

В номере:

Джерри
Айрил
Хантер
Алекс the Lion
Зира
Рэд Dragon
Сторм Canine
Марспай
Скайлер
Торни Fox
Блэк Cat

Арфи

Ассоциация Русскоязычного Фурри Искусства

2004

Фокко
Виндикатор
Айджи and Лаурра
Терри
Риддл Lioness
Снаури
Машрумер
Дримвуд
Андрей Линкс

Furpost.FURRY.ru
Concept.FURRY.ru
Artforum.FURRY.ru

Да, я - наивный и крикливый лев морской,
Не знаю жизни всех хитросплетений.
Не знаю - верю я в возможность изменений,
Что дремлющих фуррей заставит потерять покой,
С щитом поэзии и живописи радужным клинком на бой
Пойти с врагом - невежества, предубеждений рой
Развевать навсегда, и в мире жить и с миром, и с собой
Dreamwood

оглавление стр. 113-114

Оформление: StormWind, Aidji
Иллюстрации: Terry, WindiCatOr
Верстка: StormWind, Aidji
Редакторы: StormWind, Alex the Lion, Aidji
Корректоры: Danny Lion, StormWind
Печать: RFCCSU Publishers

RFCCSU 2004

Звездопад

Сказка Про Мех /Mushroomer/

Звёзды на земле /Alex the Lion/

"Лисенок, который боялся спать..." Storm Wind

Разговор /Snaury/

"Накрывшись сумрачным нарядом..." Storm Wind

Проклятый /Skylar/

"Отдернув взгляд, я убежу вперед..." Thorny Fox

Стой, Натра! Стой! /Siberian Lynx/

"Поднимите меня над лесами..." Alex the Lion

Сказка Про Мех.

...Жил был мех... не от слова механизм, а от слова мех, и был он мохнатый... и жил он один... и не было у него друзей... и вот так он жил очень долго, долго... пока наконец, не надоело ему, и не подумал он, "а ну его, что я тут все сижу, уже сто лет! "Вот, подумал он, и решил – "все! пойду странствовать, путешествовать то бишь" собрал свои нехитрые меховые пожитки, и ушел... а надо сказать, что ушел он осенью, как раз и дожди начались, и холодать стало... да только ему то все равно, он же мех, он же теплый, мягкий, он где ни ляжет ему везде хорошо... шел он через леса... сначала мертвые были леса... неживые, все деревья страшные, засохшие... но потом кончились они, как раз за речкой... и там, оказался замечательный хвойный лес... он был большой, нет, он был просто огромный! Гигантский он был! и он был живой... там слышалось пение ветра, шепот листвы, крики птиц, и осторожные шаги еще невесть кого... И тогда сел Мех, и задумался... стало страшно Меху... А вдруг, в том лесу что то нехорошее случится? А вдруг его съедят? (он хоть и никого еще не видел, кто бы питался Мехами но все равно боялся..) и так он сидел и думал, по эту сторону реки.. а на том берегу, уже давно кончилась осень, и стало холодать... и тут, Мех заметил одну вещь! Он стал ЛИНЯТЬ! "это что же выходит?" – думал он, сейчас я слиняю, и не станет меня? Раньше он никогда не линял, потому что жил в местности, где всегда была одна и та же погода... И тогда он решил – "чему быть, того не миновать" – пойду в лес, либо слиняю, либо съедят, зато интереснее, чем вот так, на берегу реки у края мертвого леса... И переплыл реку. Обсох, маленько, и пошел... идет он по лесу, а снег уже выпал, красота... и он уже, вроде, как и не боится, и не холодно ему... еще бы, он же Мех! Шел он целый день, и вот, устав под вечер, присел у какого-то дерева отдохнуть... сидит, отдыхает, даже задремывать начал... и тут, слышит, где-то что-то свистнуло, ухнуло, и

раскатилось грохотом по лесу с яркой вспышкой... и решил он посмотреть что там такое... идет и видит, это камень, пылающий с неба упал, и поджег одно из поваленных деревьев... а рядом с горящим деревом, сидит кто-то... и вроде бы даже дрожит... не то от страха, не то еще от чего... ну, думает Мех, "была – не была" подходит поближе, "здравствуйте " говорит "кто-то" на него посмотрело, "и тебе", говорит, – "здравствуй", а почему ты дрожишь? – спрашивает мех. А потому что холодно, "отвечает кто-то" – вот и дрожу, может, сейчас согреюсь, огонь все-таки...

«холодно?» удивленно спрашивает Мех. Ну да – отвечает "кто-то", а мне не холодно... – говорит мех... Еще бы, ты же мех, вот мне бы такой... – с тоской протягивает "кто-то" Тут Мех говорит, а давай вместе путешествовать, я на тебе буду, и тебе не холодно будет, и мне хоть с кем-то поговорить будет... Ты это серьезно? – удивленно спрашивает "Кто-то" Ну конечно, – говорит Мех и садится тому на спину... А правда, теплее стало... – довольно мурлыкает "Кто-то"... А кто ты, – вспоминает Мех, он забыл поинтересоваться, как зовут незнакомца... Я – Тигр – гордо отвечает Тигр. С тех пор, у Тигров такой хороший Мех, а те кусочки меха, что слиняли до того, как он повстречался с Тигром, подобрали другие звери в лесу, со временем, приобрели свои цвета, и всем было хорошо...

Mushroomer. <http://mushroomer.nm.ru/> Конец 2003 года.

Звёзды на земле.

– Хватит сомневаться! – голос был приятным, хотя в словах уже чувствовалось какое-то внутреннее отторжение от них говорившего. Он улыбался. Искренне.

– Я не знаю.. – продолжал другой задумчиво.

– Всё будет хорошо. – продолжал первый – Смотри, как всё просто. Всего три слова, и ты уверен в себе и рад жизни. – звучало насмешкой для другого, но он не подавал вида.

– А если ты не уверен в этих словах? Хотя бы в одном?

– Нуу.. – протянул первый, подняв глаза на одинокую лампочку в потолке маленькой кухни. – Ничего. Слова есть слова..

– Скажи, а звёзды спят? – неожиданно спросил другой.

– Звёзды? – Хаха. Звёзды.. Это просто.. – заключил первый.

Позже первый вернулся домой. Было не поздно. Краешком в окне проглядывал рыже-клубничный закат. На фиолетовом небе красными от заходящего солнца выглядывали первые звёзды. Красные.. Другие сегодня.

Он решил выйти и прогуляться на поле, откуда и поглядеть на это чудо. На поле в этот час никого не было. Он стоял один посреди него, словно непобеждённый король побеждённого королевства. Хорошо быть первым.

Голубоватые полосы в оранжевых разливах придавали небу вкус тающего персика.

Он глубоко задумался. Нечасто он придавался такому занятию, как долгие размышления о чём-то.. Будто вспомнив это обстоятельство, он поморщился и перевёл взгляд выше. Красные огоньки звёзды, необычные и страшно знакомые встретили его там. Он снова почувствовал, как погружается в раздумья, необычно тяжёлыми казавшиеся ему...

Ему показалось, он ощутил лёгкое жжение по телу. Закатное солнце не жгло слишком сильно.. Но теперь он

больше думал как выбраться из туч мыслей окруживших его. Казалось, они поглощают его и топят в себе, тёмные.

Закат внезапно потемнел, и круги поплыли перед его глазами. Красные звёзды сорвались с небес и опустились ему на лицо, на руки, на грудь, он упал. Последнее, что он видел, звёзды горевшие на всём его теле...

Дождь усиливался. Тёмные тучи, безлунная ночь и пустая голова встретили его, как только он открыл глаза. В кромешной тьме звучали раскаты далёкого грома. Он поднялся. Мокрые волосы закрывали глаза. Дождь носился вокруг.

Он скомкал мокрую одежду и, повесив её на плечо, под потоками холодной бесцветной лавы двинулся в понравившуюся сторону. Найти глазами свет не удалось. Мрачные иссиня-чёрные разводы вдалеке напоминали о том, что солнце давно зашло.

Ему не хотелось видеть чуть светящихся огоньков на руках и груди, которые он обнаружил, сняв всё мокрое. "И не такое бывает в грозовую ночь.. Статическое.. Почудится же..". Дождь медленно стихал, а гроза всё приближалась. Внезапно его позвали.

Это был голос другого. Он медленно пошёл на него, пытаясь хоть что-то разглядеть. Сверкнувшая молния очертила силуэт метрах в пятидесяти. Он позвал другого, но ответа не было. Продолжая идти, он ощупывал влажную темноту впереди себя, словно бы бродил по тёмной комнате. Внезапно сверкнувшая яркая молния двумя вспышками отразила прямо перед ним настоящий кошмар наяву. Животное стояло на двух ногах и было похоже мордой на волка. Фигура его была скорее человеческой, только шерсть ещё.. И тусклые красные огоньки...

Он отпрыгнул бы назад что есть силы, но стоял как вкопанный, широко раскрывая ничего не видящие глаза. Тишина опустилась на его уши вакуумом лампы-грозы. Дождь ушёл совсем.

– Ты звал?.. – зачем-то спросил он. Звуки нехотя растеклись вокруг невнятным облаком, пахнуло сыростью и, почему-то, мокрой шерстью. – Ты сам всё знал.. – последовал ответ знакомым голосом. – Что знал? Это ты?..

Молния пересекла небо над ними. Волк успел только чуть улыбнуться.

– Ты тоже красив.. – заключил он.

– Тоже? Я не понял, ты это ты?.. Что это? – не унимался первый.

– Просто взгляни на себя..

В эту же секунду гроза разрядилась громадным световым столбом в одинокое дерево неподалёку, осветив полполя. Первый опустил взгляд и поглядел на свою свалывшуюся мокрую шерсть.

– Это всё бред и сон – обиженно проговорил первый вслух. Раздался смех. Но он почему-то не расплывался густым паром вокруг, а наоборот – звенел на всё поле, прозрачный и слишком уж реальный.

Он бежал и бежал. И обессиленный лежал. И смотрел в небо. Звёзды не спали.

Пересиливая яркие лучи утреннего солнца, он продирает глаза. Ночь и гроза остались где-то очень далеко, хоть он и лежал на мокрой траве в километре от городских улиц. Осмотревшись, он заметил сидящего под деревом другого. Теперь-то он был уверен в том, что это был он. Никаких волков поблизости не было.

– Ты.. Чего здесь?.. – Спросил первый.

– Ты же не хочешь верить.. – безразлично ответил другой.

– Всё.. было?..

– Конечно – другой поднял яркие жёлтые глаза на первого.

– И что это было?.. – держался первый..

– Просто.. Я думал, тебе всё же понравится.. Думал, ты такой же зверь..

Наступила небольшая пауза.

– Я ничего даже не понял.. – успокаивал его первый.

– Твой первый путь важен. Он даст дорогу другим. Понимаешь?. Первый важен для других.

Первый молчал.

– Нет, ты не ошибся.. – заговорил он наконец – Это я так долго врал себе, что забыл даже, кто я есть.. Я хочу всё вспомнить.

– Значит, я нашёл тебя.. А может, и ты нашёл себя.. Теперь ты знаешь, кем ты был всегда..

– Не знаю..

– Ты вспомнишь..

– Скажи, как это.. Меняться?..

– Это.. Это приятно – Волк улыбнулся и снова поднял взор к первому...

Страна заходящего солнца встретила его рассветом новой для него жизни. С солнцем приходили мечты, а с луной – желания. Сокровища Свободы открылись ему. А потом он вспомнил свои жизни и свои звериные тропы. Ложь отступила. Этим он и был доволен.

Два зверя шли через краснеющий кронами лес.

– Нет-нет.. Это неплохо.. Сомневаться.. Думать.. – размышлял первый.

– О звёздах?.. – с улыбкой спросил другой.

– Например..

– Они не спят.....

Alex_the_Lion. <http://alex-the-lion.narod.ru/> 13 мая 2004.

Лисенок, который боялся спать
И путь осторожно листвою слагать
Укрывшись хвостом, и забывшись в тревоге
Продолжит во тьме тихо-тихо искать

А дикие ветры несут время вспять
И память жжет раны – скулить, вспоминать..
И плача, украдкой, он гонит все прочь -
Не веря, что чем-нибудь можно помочь..

Волшебное пламя нетленной свечи
Укрой его светом, во сне промолчи.
Душа возродится полетом сквозь мрак
– и утро наступит..

Да пусть будет так.

Storm Wind. <http://furpost.furry.ru> 05.01.04

Разговор.

Был один из этих предзимних дней, когда всё вокруг уже приготовилось к зиме, потеряв свою сочность и краски, а с неба холодными капельками падал мелкий, морозящий дождь, разгоняемый ветром до невероятных скоростей. Собственно, погода может быть и могла быть приятной, если бы не это сочетание ветра и дождя, из-за которого мелкие капельки как-то равномерно и незаметно смачивали кожу, волосы, одежду, и становилось очень холодно и неприятно. При этом дождя даже не чувствовалось, как будто сам воздух стал невероятно влажным, и обволакивал тебя, но его было видно, и куртка моя стала уже невероятно мокрой – хотелось спрятаться куда-нибудь в тепло.

Однако, несмотря на всё это, я шёл по улице. Я шёл, смотрел по сторонам, смотрел на деревья, смотрел на небо, а точнее на тёмные тучи, которые находились там. Я смотрел на снующих туда-сюда, нетерпеливо ищущих что-то людей, глупо пытающихся укрыться своими зонтиками от дождя, укрыться от которого невозможно. Я просто шёл, можно даже сказать, что я гулял, хотя трудно себе представить кого-то, способного выйти в такую погоду погулять. Но я – гулял. Я нагло снимал капюшон, снимал шапку, поднимал голову вверх, и ловил своим лицом капли дождя, которого не существует, которого нельзя почувствовать. Мне было жутко мокро и холодно, я уже весь вымок, но благодаря этому мне становилось всё равно, если я вымокну больше или меньше. Я бежал вдоль забора около дороги, поставленного чтобы пешеходы не переходили в неположенном месте, я просто шёл, я садился на этот забор, смотрел на проезжающие мимо машины, на проходящих мимо людей, которые оглядывались и всматривались в меня. А мне было всё равно. Я просто гулял.

Но вдруг я дошёл до одной из автобусных остановок. Одной из тех остановок, которые совмещают в себе ещё и всевозможные ларьки, в которых продавались всевозможные напитки, жевательные резинки, пиво, коктейли, шоколад и иногда даже конфеты. Это был один из тех ларьков, в которых сидели злые продавцы, и у которых месяцами почти никто ничего не покупал. Это была одна из тех остановок, у которой стояла масса народа, толпясь под неудобной, маленькой крышей, у которой стояли люди, ошетилившиеся в небо зонтиками, не способными защитить их от дождя, которого нет. Это были одни из тех людей, что уже часами стояли, зачем-то ждали, и ругались на вечно застревающий где-то транспорт, забитый, не способный вместить в себя всех. И среди них, под крышей, опёршись спиной об одно из этих больших, толстых окон, и опустив взгляд вниз, в землю, внутренне чуть ли не плача, стояла девушка.

Не знаю, чем она меня привлекла. Внешне она не была красивой, а одежда у неё была невыразительная, даже более невыразительная чем у всех остальных, что стояли там. И всё-таки она чем-то отличалась. Все вокруг ждали хоть чего-то, чтобы уехать, а она просто стояла. Ей было всё равно, приедет что-то сегодня, или не приедет никогда. Ей было всё равно, стоять именно здесь, или в любом другом месте. Ей было просто всё равно, было видно, что у неё случилось какое-то горе. Но даже это было не главным. По странной случайности, она хоть и находилась в самой гуще толпы, но выделялась из неё. Толпа сторонилась, отдалялась, старалась не приближаться. Это выражалось не в том, что можно увидеть, увидеть глазами. Это выражалось в каком-то внутреннем чувстве, это просто было как-то видно. Мне стало очень больно, я словно почувствовал её боль, её сдавливающее сердце одиночество. А потом так и остался стоять вдалеке, тайне смотря на неё, и не зная что делать.

Сколько я так простоял, долго, или мало, я не могу этого сказать. Могу только сказать, что всё это время я пытался представить, пытался понять, как к ней подойти, чем помочь, о чём с ней разговаривать. Большой проблемой было также и то количество народа, что собралось вокруг неё, и среди которого вряд ли можно было спокойно говорить. Но вот, вдруг подъехал троллейбус. Девушка подняла грустный взгляд, посмотрела на номер, и, очевидно потому, что он ей не понравился, села на только что освободившуюся скамейку. Волшебным образом туда уместились все люди, что только что были здесь, и мы остались вдвоём. Через некоторое время я не выдержал, сел рядом. Наконец-то стало немного сухо, даже можно сказать тепло, и я вслушивался в очень тихое шуршание моросящего дождя, почти горизонтально падающего на асфальт.

Чувствовал я себя жутко странно. Очень неуверенно и скованно, всё никак не способным придумать что сказать, хотя казалось бы никаких барьеров уже нет. Просто что-то

странное, где-то глубоко-глубоко внутри, не позволяло заговорить с незнакомым человеком. Но как познакомиться, если не говорить? Да и не нужно мне было знакомиться, и говорить было не нужно. Просто что-то не давало уйти, пройти безучастно мимо, и собрав всё доброе и светлое, что я только мог найти, всё-таки неуверенно и жутко стеснённо проговорил:

– Привет...

Девушка как-то странно вздрогнула. Не испугавшись, просто очень сильно удивившись. Это было, наверное, невероятно странно, чтобы кто-то заговорил с совершенно незнакомым человеком, чтобы что-то сказал просто так. Не спросил банальное "сколько времени" или "как пройти туда-то", а поздоровался, просто так, без смысла. Не знаю о чём думала она, но я чувствовал себя невероятно глупо. И это действительно было глупо. Она же тем временем, с неподдельным выражением удивления на лице, подняла взгляд, повернула голову, и некоторое время мучительно вглядываясь в меня, наконец удивлённо и неуверенно спросила:

– А... мы знакомы?...

Чувство боли отхлынуло, сильно уменьшившись, и вдруг появился какой-то испуг, а вместе с ним странная надежда. Всё это я видел на её лице, в её глазах. До сих пор не могу привыкнуть к этой странной способности, она вроде и не сверхъестественная, такая обычная – просто смотришь и видишь. Всё равно, что слух, или зрение, назвать сверхъестественным, но многие почему-то это не умели, многие ничего не видели, или не хотели видеть. А в ней что-то было. Она отличалась от всего городского мира, какой-то огонёк глубоко внутри был невероятно ярким. У всех есть огонёк, жаль только, что у некоторых он почему-то очень слаб, что некоторые почему-то убивают его. Она так странно наклонила голову набок, так странно вглядывалась в меня. Отступить было поздно, да и не хотел я отступить.

– Нет, – ответил я, слегка мотнув вправо-влево головой несколько раз, пока произносил, и опустив взгляд вниз, в землю. Наступило странное молчание, которое я, просто даже не задумываясь, прервал фразой: – Хмм... а что ты думаешь об этом дожде, о ветре?..

Просто чисто рефлекторно она повернулась, и посмотрела на дождь, слегка всмотревшись в него. Потом ухмыльнулась и снова опустила взгляд вниз, произнеся:

– Подумаешь... дождь... ветер...

Снова вернулось чувство боли, это было видно. Что-то её очень беспокоило, что-то причиняло сильную боль.

– О!... Ветер... – я поднял взгляд вверх, словно пытаюсь найти где-то там, в вышине, в небе и облаках, которых было почти не видно из-за крыши, продолжение, то, что я хочу сказать. И может быть я увидел это там, а может это вырвалось изнутри, но я сказал: – Ветер – это воздух, он бывает везде, где есть воздух, воздух всегда движется, воздухом мы дышим, мы им живём. Он живёт внутри нас, он живёт внутри всех, птицы взлетают благодаря ему. Он бывает в тех местах, где никогда не бывал ни один человек. Он знает секреты, что он расскажет, только научись слушать. А дождь – это вода. Она побывала внутри каждой травинки, внутри каждого дерева, внутри всех зверей, всех птиц. Даже там, в вышине облаков, она побывала, и теперь спешит вниз, на землю, чтобы поделиться собой, поделиться своим знанием. Подставь лицо – дождь поделится и с тобой! – с этими словами я вскочил, вышел из под крыши, расставил руки, и немного постоял.

Когда я обернулся, на её лице было такое выражение, которое просто невозможно забыть. Во взгляде был и испуг, словно увидел сумасшедшего, и радость, словно нашёл то, что всегда искал, и недоверие потому, что невероятно, чтобы такое действительно произошло, и надежда на что-то. Вдруг, сквозь её взгляд, я увидел что-то. Я увидел существо. С клювом, вместо рта. С крыльями, вместо рук. С перьями,

вместо одежды. Она смотрела на меня, и чего-то ждала. И тогда я сказал:

– Ты никогда не замечала, что ты не такая, как все люди? Ты никогда не думала, что ты – не человек?

Тогда её клюв расплылся в улыбке, и мы стали говорить свободно. Мы словно уже знали друг друга, нам не нужно было ни имён, ни кличек, ни даже знания того, кто мы. Она как и я когда-то увлекалась инопланетянами, как и я когда-то думала, что она – не человек, а кто-то другой, оттуда, со звёзд. Я не стал ей говорить что я в ней увидел, я лишь спросил у неё, что она думает о птицах, и она сказала, что всегда мечтала летать. Да и какая разница кто мы. Я лишь сказал ей:

– Слушай больше ветер, прикоснись к нему, почувствуй его.

Когда дождь закончился, мы встали, и стали идти вдоль деревьев, разговаривая обо всём на свете, мечтая и размышляя. Две огромные птицы, тихо шли мимо прохожих, и не обращали на них ни малейшего внимания. Это прохожие почему-то оглядывались и всматривались в нас, словно видели что-то необычное. Потом наступил вечер, стало темно и мы, обменявшись телефонами, попрощались и разошлись. По мере того, как мы отходили друг от друга всё дальше, перья исчезали, и снова превращались в мокрые куртки и одежды, лица снова превращались в грустные и одинокие, и лишь где-то там, глубоко, внутри, оставалась надежда. Надежда на то, что мы не одиноки. Надежда на то, что мы такие, какие есть. Надежда на то, что когда-нибудь мы будем летать...

И эта надежда была важнее всего на свете. Это была НАША надежда.

Snaury. 2003/01/09

Невозможно заставить прошлое вернуться и написать новую историю на стене времени. Тишина разбивается о звук музыки, но нет спасения от тишины внутри себя. Как будто мертвые эмоции все еще пытаются пробить пути сквозь эту пелену. У меня не осталось того, во что я мог бы поверить, сейчас..

Где те кто был дорог мне, где стая о которой я мечтал и которую звал по ночам? все мечты растаяли под черными лучами реальности, и негде укрыться от угольного зноя черных обелисков, пустыни чужих фраз

Может быть, мне нужно уйти в пустоту, чтобы услышать сегодня, но я не знаю, где найти силы для последних шагов к пропасти.

Может быть, это лишь луна бросает напоминание об утерянном или звук биения сердца

Накрывшись сумрачным нарядом,
мы танцуем в бесконечности,
на лезвии ножа,
режущей кромкой жизни.

Перейти ту реку, которую я помню,
уже, может быть, не дано,
но где-то еще можно найти
листья потерянного леса

Может быть.. Возможно... НЕТ

StormWind. 03.05.2004

Прóклятый.

Старинные часы пробили час ночи. Густой, чуть дребезжащий звук медленно угас в углах темной комнаты, освещенной лишь маленькой лампой в самодельном светильнике, стоящем на поцарапанном, пыльном столе. Было тихо, только слышалось мерное, гулкое туканье анкера в часах да долгий, протяжный вздох пружины, только что отзвонившей урочный свой удар, так же, как она делала это бесчисленное множество раз, на протяжении вот уже более 150 лет. Я шевельнулся, и потревоженные тени вздрогнули на стенах. Слабый свет лампы отразился матовой точкой на тупой пулевой головке патрона, лежащего на моей руке. Он был теплым – 36.6°C, температура тела, жизнь которого оборвать был предназначен. Моего тела. Молодого, и, в общем, почти что здорового, способного еще, быть может, прожить лет этак 25 – 30 не особо напрягаясь, медленно сдавая позиции наступающей старости, и потом, если повезет дожить до пенсии, тихо отдать концы в окружении детей и внуков. Вот только ничего этого ему уже не будет. Потому что я должен был прервать его существование. Отдать его этой земле, чтобы оно отпустило на свободу мою изорванную душу, исторгло ее из этого мира, в который она принесла столько горя.

Меня сторонились всю мою жизнь. Сначала я не понимал, отчего? – ведь я ничем особо отрицательным не выделялся. Физические данные? – полтора года в спортзале, год в школе восточных единоборств, и я уже мог навешать практически любому. Интеллект? – ну, универ то я закончил, и даже неплохо. Внешние данные? – ничего особенного, но все же и не квазимодо. Я придирчиво выбирал тех, с кем хотел бы общаться, тех, чьи души отвечали моей, кому было бы интересно со мной, выбирал долго. И нашел. Нашел к несчастью... Потому что найдя их, обретя наконец то, к чему так стремился всю свою сознательную жизнь – тепло

настоящих чувств, доверие и радость бытия рядом с теми, кто доверял мне, и кому я доверялся полностью, безоглядно, не думая над словами и фразами, потому что все приходило само, ровно и гармонично, я нашел и причину своего одиночества, от которого, казалось бы, избавился навсегда. Меня сторонились вовсе не из-за качеств личности, стиля жизни или внешних данных — как оказалось, это все второстепенно. Все было проще, много проще и страшнее — все живое подсознательно чувствовало, что нельзя жить рядом с тем, кто несет в себе смерть, кто помечен ею, ее холодным, леденящим прикосновением. Она не трогала меня, но неотвратимо была направлена на тех, кто был рядом, и особенно на тех, кто был мне небезразличен, словно я был проводом, точкой лазера, указывающей цель. Я не замечал этого, до тех пор, пока не обзавелся тем, о чем мечтал, пока не поверил в призрак счастья на этой земле.

Найри... веселый, улыбчивый, неизменно приветливый. Мы познакомились на курсах повышения квалификации в городе N, куда я приехал жить и работать. Невероятно быстро он нашел подход ко мне, несколькими фразами преодолев тот барьер замерзших чувств, за которым я прятался от окружающего мира. На третий день нашего знакомства он потащил меня за город, показал множество невероятно красивых мест. Он всегда был рядом в трудную минуту, помогал одним своим присутствием. Делился со мной радостью и счастьем, поддерживал и ободрял, когда я был уже готов плюнув бросить начатое и уйти. Было так приятно чувствовать, что он рядом... Он научил меня общаться, научил радоваться жизни, каждому ее неповторимому мгновению. Он делал это с невероятным терпением и тактом, относясь ко мне с теплом, и временами даже с нежностью. Он был как вспышка, как частичка солнца, освещающая любое место, где бы ни появился. Рядом с ним я впервые увидел свет в серой пелене своей жизни... Через год на загородной трассе в нашу "копейку" врезалась груженная стеклом "Газель". Я

вывернул руль, подставив под удар левую сторону, но разбившееся толстое витринное стекло прошло салон десятком острых зазубренных пик. Придя в себя после удара я увидел Найри безжизненно повисшим на залитом кровью сиденье. Он был еще жив, когда я выворотив правую дверь вытащил его из покоренного салона. Держа его на руках как ребенка я пытался остановить лившуюся ручейками кровь, но безуспешно... Он только успел улыбнуться мне...

Говорят, при таких событиях память отключается, щадя потрясенное сознание. Моя мучила меня, сохранив каждое мгновение. Я помнил все. И свою жуткую истерику, когда стоя на коленях орал – почему он, почему не я... И посиневшего от дикого ужаса водителя "Газели", от которого меня оттащили патрульные приехавшего экипажа ДПС. Мужик нечленораздельно мычал, вращая дико выпученными глазами, и даже не пытаюсь прикрыть мокрое пятно на штанах, потом вдруг завопил – дьявол, дьявол! – тыча в меня трясущейся рукой. Бывалые патрульные только качали головами, глядя на искромсанный салон "копейки". На мне не было ни царапины. Тогда я еще не понял...

Рини... Студентка филфака, умница, страстный скалолаз. В нашей компании она всегда выделялась четкими, точными суждениями, остроумными высказываниями и тонким чувством юмора. Через полгода после гибели Найри, чтобы хоть как-то помочь нам развеяться она позвала всех в маленький поход, к вершине одной из скал в окрестностях живописного озера. Я никогда до этого не лазил по горам, и она взяла меня в свою связку... Все уже поднялись наверх, когда сорвавшийся камень в центнер весом начисто срубил страховочный трос и сбросил ее вниз. Связывающий нас основной фал я успел перехватить. Но не выдержал карабин на поясе Рини, и она упала на камни с высоты нескольких метров. Мы с трудом подняли ее наверх со скального уступа... Веревки были коротки, и я полез туда один, без страховки, несмотря на уговоры друзей – мне было плевать, сорвусь я

или нет, я отчего-то знал, что мне ничто не грозит... Снявшие нас спасатели увезли ее в больницу с множественными переломами и травмами. Позже мы узнали – она жива, но проведет в гипсе не меньше года и вряд ли сможет быть скалолазом. Ты не виноват – сказала она мне в палате, где я провел долгие пять суток в ожидании, когда она придет в себя. Но что-то уже говорило мне, что именно я и есть причина.

Еще через месяц я ввязался в драку с гопниками на улице. Когда я куском арматуры отправил на землю пару уродов третий выдернул из кармана пистолет и выстрелил. Он стрелял почти в упор, но попал не в меня, а в Кайт, стоявшего совсем в стороне. Увидев это, совсем потеряв контроль и рассудок, я почти прикончил парня. Подоспевшие милиционеры "черемухой", щитами и дубинками вышибли из меня дух, и в наручниках увезли в КПЗ. На следующий день я узнал, что Кайт оперировали, и он еще долго будет в реанимации. Тогда то, сидя в вонючей камере, я понял – я – помеченный смертью. Оставаясь вдвоем с тем, кто симпатичен мне, я неминуемо погублю его. Рини и Кайт живы только потому, что не оставались со мной один на один, что рядом были друзья, которые не дали моему губительному свойству сделать свое черное дело до конца. Тертые уголовники уступали мне дорогу, опасливо косились вслед когда я пошатываясь шел к двери на допрос или за тарелкой жидкой тюремной баланды. На прогулке вокруг меня всегда было пустое пространство, как будто очерченная граница, невидимая, но ощутимая. Никто не решался пересечь ее... Через две недели, после заседания суда меня отпустили. Превышение границ самообороны, год условно. Освободить из-под стражи немедленно. Друзья ждали меня у выхода из здания суда. Я не отрываясь смотрел из-за стеклянной двери на милые, дорогие мне лица, понимая, что вижу их в последний раз, что должен уйти из их жизни, из этого города, из этого мира, чтобы они могли жить.. Через служащего я

передал им записку. Там было всего несколько слов: "Меченый смертью должен уйти. Не ищите меня. Простите за все. И прощайте". Сняв со своего счета все наличные я нашел барыгу, адрес которого узнал в тюрьме, и купил у него пистолет ТТ и несколько патронов. Деньги отдал не глядя, все, что были, и в довесок он сунул мне еще пару обойм. На удачу, сказал он, на удачу.. Придя на свою старую квартиру я сел за стол, положил перед собой оружие и просидел так несколько часов.

Старинные часы пробили час ночи. Я взял пистолет, оттянул затвор. Через гильзовыводное окно стал разглядывать срез казенника, царапины на скосе патронного входа. Затем медленно сунул патрон в темное отверстие. Он вошел с едва слышным стуком. Я нажал на задержку, затвор с лязгом встал на место. Рубчатый курок застыл в готовности по первому нажатию обрушиться на боек. Я поднес пистолет к виску. Мельком подумал, что выстрел разбудит соседей. Остановился. Нет, не здесь. Встал, сунул обойму в рукоять, пистолет за пояс. Вышел, не закрывая дверь, и направился к заброшенной стройке. Я шел, не разбирая дороги, по грязи, масляным пятнам, лужам, оставшимся после вчерашнего дождя. Стройка пахнула запахом цемента, сырости и ржавого железа; подъезд зиял темной вонючей дырой. Поднялся по загаженной темной лестнице на последний, недостроенный этаж. Под ногами шуршал мусор, обломки кирпича и куски бетона, а над головой простирался звездный купол, и свежий ночной ветер бил в лицо запахами весны. В вышине мерцали звезды... Ну вот и все.. пришло мое время расплатиться за всю ту боль, что я причинил друзьям своим существованием. Я запрокинул лицо к небу, рывком взвел курок и приставив ствол к голове потянул спуск...

– Ты ведь не сделаешь этого, правда?

Знакомый голос с теплыми, ласковыми интонациями как удар молнии поразил меня...

– Найри??? Ты?? Но ведь ты...

Я обернулся и увидел его... пистолет выпал из задрожавшей руки, глухо стукнув о бетон. Я шагнул вперед, не веря себе, а он, улыбаясь своей необычной светящейся улыбкой, шагнул навстречу. Потом вспомнил...

– Нет, нет, пожалуйста, не подходи.. Я не хочу опять... опять..

Память холодными стальными тисками сжала мое сердце, я упал на колени закрыв руками лицо..

– Это из-за меня ты... там...

– Нет малыш, не из-за тебя – (прозвучало странно, ведь я был старше его на несколько лет) – просто пришло мое время. Таким как мы мало отпущено на этой земле.

– Таким как вы?

– Нет, как МЫ. И ты тоже один из нас.

– Нет... я... я меченый. Меченый смертью и...

Он прервал меня, мягко прижав ладонь к моим губам.

– Это испытание друг. У каждого оно свое. Тебе досталось такое, ну что же... Ты должен выдержать. Я пришел к тебе, как только увидел, что ты собираешься надеть глупостей.

– Я не смогу больше... я не вынесу одиночества, той боли, что причиняю друзьям... заberi меня отсюда..

– Я всегда с тобой. В твоём сердце. Мы всегда вместе, помни. Придет и твое время, и мы снова встретимся, встретимся в нашем мире... и будем теми, кто мы есть. Надо только верить. Твоя темная сторона держит тебя здесь, направь ее на благо, и все будет хорошо. Ты сможешь, я верю. И тогда мы встретимся. Я буду ждать тебя.

– А.. на что он похож, наш мир?

– Он прекрасен... ты увидишь.

Найри вдруг неуловимо изменился, и я увидел невероятно красивое существо, антропоморфного зверя... густая золотистая шерсть, длинный хвост и все та же светящаяся улыбка.

– Кто ты?

– Тот, кто я есть.

Он обнял меня, и я ощутил, как уходит тоска, обреченность, как жившие во мне мрак и холод сжимаются и тают подобно инею под теплыми лучами солнца..

– Иди мой ягуар. В этом мире кто-то нуждается в тебе, в твоей защите и помощи. Это только испытание, помни. И мы встретимся, мы все встретимся там, где бескрайний простор неба и бескрайний простор жизни. Иди. И помни, я жду тебя.

Занималось утро. Розовые лучи рассветного светила окрасили небосвод, проснувшиеся птицы наполнили воздух щебетом и шелестом крыльев. Я спустился вниз, медленно пошел вдоль улицы навстречу новому дню. Ну что же... я принял свою судьбу. И сделаю все, что только смогу, чтобы мои друзья жили спокойно. Меченый смертью встает на стражу... простирает крылья хранящая тень.

Skyler. 02.04.2004

Отдернув взгляд, я убегу вперед,
оставив мысли страшные тому,
Кто хочет слышать их. И снова,
пытаюсь маску снять, сдирая свою кожу.

Но мир не может стать другим.
И скоро снова я приду к чьему-то дому,
И снова у кого-то отберу любовь.

Thorny Fox. <http://thorn.furry.ru/>

Стой, Натра! Стой!

Окончив дневную охоту, Рысь прилег отдохнуть в высокой зеленой траве. Он мирно дремал и видел сны, когда, опалив жаром своего тела, Натра огненной стрелой пронеслась мимо. Проснувшись, Рысь увидел, как, она, полыхнув оранжевой стрелкой, озарила чашу исходящим от нее таинственным, полупризрачным сиянием и скрылась в сумеречном лесу. В этот миг сумасшедшая, почти бредовая мысль посетила его, и пока разум не воспротивился этой самоубийственной затее, поспешил воплотить ее: "Стой, Натра! Стой!" – крикнул он вслед убегающей кошке.

Это ж надо было решиться, остановить огненную тигрицу Натру – богиню и прародительницу всего кошачьего рода, да еще и предложить пробежаться с ней по ночной лесной чаще. Да, подобная идея пахла серьезными неприятностями – как у любой кошки, настроение Натры часто менялось и, будучи в дурном расположении духа она могла в один миг испепелить любого, кто посмел бы приблизиться. Впрочем, Рысь не задумываясь рискнул бы жизнью, только бы побыть хоть одну ночь с огненно-рыжей богиней, а потому даже осознание грозящей опасности не остановило его. Как молитву, как древнее могучее заклятие, с трепетом и благоговением в голосе повторял он слова: "Натра – моя Муза, мой Ангел Хранитель останови свой бег, удели мне, дерзкому, хоть мгновение той вечности, что дарована тебе. Сожги, испепели, уничтожь меня своим пламенным взглядом или даруй счастье быть с тобой и чувствовать дыхание твоей силы – я смиренно приму все".

Рысь стоял, выжидающе всматриваясь в черную стену леса, как вдруг услышал позади себя голос: – Опять вы взялись за старое! Ну сколько раз можно повторять, что этот ваш ритуал меня уже утомил... Хотя, признаюсь честно – ты меня обманул... Уж чего-чего, а в хитрости и умении придуриваться вашему брату не откажешь.

Резко в прыжке Рысь развернулся и увидел ее. Натра лежала на спине, распластав задние лапы, а передними с невинным видом перебирала густую белую как снег шерсть на брюхе.

Ситуация накалялась – надо было как-то продолжать разговор, но Рысь так ничего и не смог придумать, а потому мешкал. Тут ему вспомнилось однажды услышанное мнение, будто бы огненная тигрица любит, когда с ней играют. Набравшись храбрости, он сказал себе: "Играть так играть!" Такая игра, конечно, шла не на жизнь, а на смерть и, начав ее Рысь, прекрасно понимал – любая ошибка будет стоить очень дорого. Отступить было уже поздно, и Рысь решил пройти игру до конца – ночь с богиней стоила этого.

– Здравствуй, Натра. – тихо поздоровался он, – Ну что, разрешишь сегодня пробежаться с тобой, или всю ночь будешь дуться на меня за мою шутку?

– Я – богиня и мое имя – Натрафрорра Танура О'Оллит! – сердито сказала кошка, пристально посмотрев Рысю прямо в глаза.

Почти минуту он терпел, но, почувствовав острую боль в груди, все-таки отвернулся, ибо никто не мог долго вытерпеть ее взгляда – ее глаза, огнем прожигали насквозь, проникая в самые отдаленные закоулки сознания. Нестерпимый жар охватил все его тело и разум, и Рысь уж было подумал, что ему пришел конец.

– Впрочем, – она отвела взгляд, и голос ее смягчился, – в эту ночь я разрешаю тебе называть меня Натрой.

Чувствуя, как жар постепенно утихает и, поняв, что смерть в пламенных объятиях богини ему не грозит, Рысь приободрился. Тигрица размеренным шагом подошла ближе, и он вновь ощутил ее тепло, но на этот раз оно было не обжигающим, а приятным, будто ласкающим.

– Экие вы рыси хитрые... – заигрывающим голосом, мягко, будто перекачивая на языке слова, произнесла Натра, – дай вам волю, так вы за мной каждую ночь бегать будете.

Лезть на рожон Рысь не хотел, но и оставлять последнее слово за богиней не собирался. Немного подумав, он сказал первое, что пришло ему в голову:

– Натра, породив тебя, огонь, уголь и пепел даровали тебе вкупе с испепеляющей внешностью еще и поистине жгучую манеру разговаривать.

Тигрица в долгу не осталась и подхватила игру:

– Какая наглая лесь, – грозно прорычала она, – поистине неприкрытая, наглая лесь! Учти, ты играешь с огнем, а с ним шутки плохи...

– Напужала... – завопил Рысь что есть мочи, – Ой-ой-ой, как напужала... – и, свалившись на землю, поскуливая и катаясь по траве, принялся причитать, – Прости, я больше так не буду... Да, да, да... Честно, честно...

– Ну ладно, так и быть сегодня я разрешу тебе быть со мной, но ты пообещай, что завтра не придешь... У меня ведь тоже есть дела. Договорились?

Тигрица, будто боясь обжечь, чуть притушив взгляд, смотрела на Рыся. Надеясь выторговать еще одну ночь, он пытался терпеть и тянул время, но, в конце концов, не выдержал и согласился. В тот же миг Натра, рывком сорвавшись с места, помчалась в сторону леса. Быстро опомнившись, Рысь, набирая скорость, последовал за ней и вскоре догнал кошку.

– А вот и я! – крикнул он тигрице, – Что, не ожидала от меня такой прыти, да?

– Молчи! Не болтай попусту, беги тихо и слушай Силу леса... Ой, да что я говорю – ты ведь не умеешь слушать Силу...

– Ты же сама знаешь – рыси болтливые и жутко бестолковые животные...

Натра замедлила бег, а Рысь, увлекшись, этого не заметил и вырвался вперед. Лишь когда тигрица, оказавшись позади, исхитрилась цапнуть его за хвост, он понял свою ошибку. Эта погоня была, конечно, не всерьез и укусила его

Натра несильно, играючи. Будь все это по-настоящему – Рысь остался бы без хвоста, а может и без всего остального тоже.

– Разумеется, дорогой, – донесся сзади голос запыхавшейся от смеха кошки, – а еще они глупые, наглые и приставучие.

Забежав на высокий холм, они долго гонялись друг за дружкой, валялись в траве и с громкими воплями, падая на спину, кувырком скатывались по песчаному склону – соревновались, кто быстрее докатится до самого низа. В очередной раз погнавшись за Рысем, Натра в два прыжка обогнала его, нырнула в сторону и скрылась в густом кустарнике. От неожиданности Рысь резко остановился и стал прислушиваться. Тишина: ни шороха, ни звука ломающейся ветки – он так и не услышал ничего, что бы могло выдать местоположение тигрицы.

– Натра, неужели ты убежала и бросила меня тут одного?

– Как ты мог подумать такое?! – сурово произнес откуда-то сверху знакомый голос, – Такого просто не может быть!

Осмотрев окрестности, Рысь долго не мог понять откуда исходит голос, но потом будто прозрев, увидел ее почти под самым своим носом. Тигрица сидела под огромным развесистым деревом, на самой вершине холма и с беззаботным видом чистила о кору когти. Каждый раз, когда она вела по стволу лапой, раздавался резкий, пронзительный, режущий уши звук. – И как я мог не заметить этого ранее – не понимаю! – возмущенно фыркнул Рысь себе под нос, – Хотя, что тут думать-гадать – с этими богинями всегда так: то ниоткуда появляются, то, будто растворившись в воздухе, исчезают, а то и сотворят что-нибудь этакое, что и во сне не каждому присниться может.

– Экие вы рыси неторопливые, – нараспев сказала Натра, извлекая из древесины немыслимые звуки, – все

хвастают, все хвалятся, что искусные охотники, а вот Огненную поймать не могут...

Вогнав Рыся в краску, Натра бросила музицирование и, грациозно изогнувшись, прыгнула на развилку самой толстой ветки. Легла там и, свесив вниз лапы, растянулась во всю длину. Удобно расположившись на ветке, она стала заманивать его наверх, легонько покачивая кончиком хвоста:

– Экие вы рысы неуклюжие, – вновь начала свою песню тигрица, – даже на дерево забраться не могут... Эй там, внизу – залезай сюда, а то рассвет пропустишь. Думаю, с этого дерева мы сможем увидеть восход Солнца. Как давно я не смотрела на рассвет... мне всегда казалось, что в ночи нет ничего прекраснее рассвета.

Рысь вскарабкался по стволу наверх и устроился рядышком.

– Рассвет? – удивился он, – Мне казалось, что ночь только начинается... Это твои шутки, Натра? Хочешь побыстрее от меня избавиться, да?

– Ну что за мысли?! – возмутилась тигрица, – Или ты не веришь богине, а может, посмел усомниться в том, что я всегда держу данное слово?

– О нет, моя богиня... разумеется, нет...

– Экие вы рысы подозрительные... – начала было Натра, но вдруг, резко оборвав фразу, подняла голову и стала смотреть вдаль.

Стоило Рысю посмотреть вслед взгляду тигрицы, как горизонт пред ним расступился, и он увидел как над верхушками деревьев, сияющим шаром грузно поднялось дневное светило. Свет восходящего Солнца ударил в шерсть тигрицы, и будто зажег ее. Алые всполохи божественного огня сияющими клинками пронзили его глаза. На мгновение Рысь ослеп, а когда, привыкнув к яркому свету, вновь стал видеть, Натры рядом уже не было. Выполнив обещание, она будто бы растворилась в воздухе, оставив Рысю на память

лишь легкое теплое волнение где-то в глубине его бездонной рысьей души.

– Спасибо тебе, Натрафрорра Танура О'Оллит! – прокричал он на весь лес.

Подхватив его крик, легкий ветер разнес его над верхушками деревьев. Рысь прислушался к тишине утреннего леса, и на мгновение ему показалось, что где-то далеко-далеко Натра, услышала этот клич и отозвалась своим: "Экие вы рыси крикливые..."

Siberian Lynx. <http://siblynx.furry.ru/> 16.05.04

Поднимите меня над лесами,
Пронесите горами седыми,
Напоследок мне звёздную высь
Из руки вы своей покажите.
Расскажите, как надо летать,
Как мне счастье в жизни поймать,
Коль судьба, словно нить порвалась..
Напоследок, душой накормите,
Дайте слово сказать напоследок...

Alex the Lion

Смысл надежды

Один день /Focco/

Выбор /Irbis/

Принцесса и дракон /Айрил/

"Мы ходим всё той и одной же тропой..." Hunter

Корни милосердия /Hunter/

Один день

Странная особенность организма и психики. Когда ты устаешь, когда ты не видишь выхода из создавшейся ситуации, когда начинаешь тонуть в море тех мелких проблем, что накопились за все это время, внутри тебя свивается клубок жгучих эмоций. Каждая клеточка твоего организма криком кричит, но ты загоняешь этот крик внутрь себя, в желудок, где вспыхивает жидкий огонь боли и страдания, а в мозгу бомбой взрывается крик израненной, уставшей, обезумевшей души.

Человек возвращался с работы. Почти обычная рабочая неделя, почти обычный рабочий день. Ранее, днем, принимая смену дежурства у другого человека, он почувствовал висевшее в воздухе напряжение, но, как и все люди, не придал этому значения. А вот зверь в нем зашевелился, вылез поближе, и почувствовал леденящий, злобный взгляд в спину. Язвительные, колючие слова-оскорбления повисли на языке, у сидевшего за спиной, человека. И только чувство страха, подсознательное ощущение затаившегося в оппоненте зверя, не давали ему произнести эти слова.

Колючий взгляд в спину не отпускал, человек ежился, передергивал плечами, чувствовал пробуждающуюся внутри себя злобу на невысказанную агрессию, не озвученную угрозу. За его внешним относительным спокойствием крылся метавшийся в злобе и истерике зверь. В желудке вдруг стало неуютно, колюче и холодно, голова звенела пустотой, ощущение взвешенности состояния, да мелко подрагивали вытянутые руки. Человек зябко горбился, прятал ладоши под мышки, словно спасаясь от внутреннего холода едва сдерживаемого гнева.

Сейчас, в метро, неудержимо подступило желание выпустить зверя. Издать леденящий души крик. Крик боли, страха, злобы, обиды и неудовлетворенности. Выпустить зверя, сокрушающего барьеры сознания и цивилизованности.

Пусть он крушит все, что попадется ему под лапы. Пусть рвет, ломает, разбивает отделку салона. Пусть люди, сидящие с ним в одном вагоне метро, зажмутся в комок, сгрудятся в углу, опасаясь за свои жизни. Ему просто необходимо увидеть сейчас ужас в их глазах, боль вывернутых суставов, порванных мышц, разинутые в беззвучном крике черные провалы ртов. Но человек сдерживается. Нельзя. Потому, что они не виноваты в твоём состоянии. Нельзя. Потому, что это не они заставляют страдать тебя и твоего зверя. Нельзя. Потому, что в этом случае ты уже не будешь отличаться от таких же, что приносят тебя самого в жертву своих собственных желаний и личной выгоды. Нельзя. И крик остается в его пасти. Нельзя. И когти вновь прячутся в подушечках пальцев. Нельзя. И зрачки вновь сменяют цвет с янтарного на серо-зеленый. Нельзя. И тугой комок жидкого огня вновь вспыхивает в желудке. Человек заливает его шипучей химией из ближайшего киоска, и лишь тоска продолжает гореть за сузившимися зрачками его глаз.

Зверю тяжело жить в городе. Здесь нет мест, где можно выпустить злобу, боль, крик. Здесь не поймут, если ты просто сядешь на траву и будешь выть на восходящую луну. Здесь нет места для таких как он – человек и зверь в одном теле.

Человек приходит домой и молча падает у порога. Его сил хватило лишь на сдерживание зверя. Он не хочет: есть, пить, двигаться и, даже, думать. Нет сил.

Зверь обессилено оседает в его душе. Он тоже устал. Устал бороться за право на существование. Устал воевать с самим собой за право открыто выражать свои эмоции. Устал быть человеком.

Кто же ты: зверь или человек? Как тебе жить в этом мире? Как человеку или как зверю? Продолжать маскироваться среди людей, подавлять свои эмоции и молча ночами плакаться в подушку, молясь всем богам разом? Или стать зверем и уйти?

Focco. <http://katurov.newmail.ru/> 12.01.2002

Выбор

Он знал, что когда-нибудь это произойдет. Вернее он верил, верил всей своей душой, которая была скорее душой свободолюбивого зверя, чем душой человека. И все же это было чудом.

Зов появился почти неделю назад. Острое чувство, что ему срочно нужно куда-то идти... нет, бежать. Бежать, чтобы не опоздать на что-то очень важное, способное изменить всю его монотонную жизнь. Сделать ее, наконец, насыщенной и полной. Найти свою недостающую половину. Ему с трудом удалось удерживать себя на месте в течении долгих будней, заполненных однообразной и нелюбимой работой. Он убеждал себя, что это всего лишь игра воображения, расшалившиеся от постоянного напряжения нервы или просто расстройство психики, что не такая уж редкость в этом безумном мире. Но в субботу Зов сломал всю выстроенную им защиту и прорвался внутрь, заставив его взять ключи от машины и помчаться с самого утра неизвестно куда.

С каждой минутой Зов становился все сильнее и сильнее, помогая ему безошибочно находить путь в лабиринте города, ведя по пригородной дороге и, наконец, выведя его к лесу. Оставив машину на обочине, он, не обращая внимания на ветки хлещущие его по лицу, пробрался сквозь неожиданные плотные заросли кустарника и молодых деревьев, оказался на небольшой поляне. Зов издал торжествующий вой в его душе и исчез так же внезапно, как и появился.

И вот теперь, уже спустя час после этого, все еще стоял на этой поляне, глядя, как изменяется его тело. Его руки, ноги и все тело начали покрываться жесткими волосами, превращаясь в шерсть, прорастающую прямо сквозь одежду. Ногти превратились в когти. Он не видел своего лица, но знал, что и оно подвергается изменениям. Знал он и то, в кого он превращается. Волк. Свободное, мощное животное, которое

всегда жило в его душе, страдая в человеческом теле. Он знал, вернее чувствовал, это еще с детства. И с каждым годом это, на первый взгляд чудачество, превращалось в убежденность. Он был чужим среди всех этих людей, озабоченных своими проблемами, забывшими, что такое жить, забывшими, что такое чувствовать. И вот, наконец, эта ошибка будет исправлена. Он, наконец, станет самим собой и сможет жить полноценной жизнью, а не подобием.

Восторг от происходящего буквально переполнял его, когда до слуха донесся визг тормозов, а затем глухой звук удара. Его сердце внезапно обожгло чувством беды. Промедлив всего секунду, он устремился в сторону с которой и раздались эти звуки. Хотя его движения его уменьшившихся и уже немного изогнувшихся ног были еще неловкими, какая-то внутренняя интуиция подсказывала наиболее удобный путь среди плотного подлеска.

Когда он все же выбрался обратно к дороге, перед его глазами предстала страшная картина. Искореженная, дымящаяся "десятка" застывшая возле старой, высокой сосны примерно в 10 метрах от его собственного автомобиля. Видимо водитель не справился с управлением или его подвели тормоза, и детище российского автопрома превратилось в груды металлолома. Обострившееся обоняние донесло резкий запах человеческой крови, а слуха коснулся стон, раздавшийся из смятого металла. Ноги сами понесли его к месту катастрофы, а глаза нетерпеливо начали выискивать признаки выживших.

Так и есть. Водитель, мужчина лет тридцати, и его пассажирка, девочка лет десяти были окровавлены и без сознания, но, несомненно, живы. А значит, он все еще мог попробовать их спасти. Его руки-лапы уже потянулись к "десятке", но тут превращение вступило в последнюю фазу, и он буквально рухнул на колени, становясь на все четыре лапы. Если бы кто-то увидел его со стороны, он бы вряд ли мог сказать, что перед ним находится человек.

"Господи, как же не вовремя" подумал он. Несколько попыток и он понял, что клыки и лапы совершенно не подходят, чтобы освободить пострадавших в аварии. Ему не доставало именно рук, которые могли бы отогнуть куски изуродованного металла и извлечь мужчину и девочку. "Если бы только превращение произошло десятью минутами позднее" в отчаянье подумал он и, словно ожидая этого, его мозг тут же пронзила мысль "только пожелай и твое тело вернется к тебе". Новорожденный волк еще не успел как следует осознать эту возможность, а в него огненной иглой уже вонзилось понимание "сделай это и ты уже никогда больше не сможешь стать зверем". Это был билет в один конец. Кто бы ни создал это чудо, он не давал второго шанса.

"Поторопись" сказала одна его половина "они же могут умереть в любую минуту". "Оставь их" сказала другая "они всего лишь люди". Бывший человек задумался. Он был на войне, он видел смерть. Он видел, как убивали за кусок хлеба или просто для удовольствия. Он видел, как люди готовы на любую подлость за пачку грязных денег. Он помнил жену, женщину, которая клялась любить его до конца жизни, чтобы спустя два года уйти с человеком, который называл себя его другом. И память услужливо подсовывала ему эти воспоминания. "Уйди. Забудь. Ты уже другой. Ты всегда был другим. Для тебя они чужаки. Чужаки, которые никогда не понимали и не любили тебя. Те, кто ненавидел все твои идеалы. Кто всегда пытался втоптать все, что тебе дорого в грязь". Большой серый волк отвернулся от машины и медленно пошел в сторону леса. Он принял решение. Он помедлил стоя на границе нового дома, уже занеся переднюю лапу и оглянувшись на прощанье. И ветер донес до его звериного слуха стон, стон умирающего человека.

Он затаился сигаретой, отперевшись на дверцу своего старенького "Форда". Это была уже третья сигарета подряд, но ему было плевать. Правая рука, порезанная о зазубренный

металл, еще немного болела, но ему было безразлично и это. Так же безразлично он посмотрел и на человека в белом халате, вышедшего из дверей госпиталя и подошедшего к нему.

– С ними все будет в порядке. – успокаивающе произнес тот – Им повезло, что вы оказались рядом. Еще немного и нам вряд ли удалось бы их спасти.

Он промолчал в ответ, лишь слегка кивнув головой, и снова глубоко затянулся. Врач говорил что-то еще, но он уже не слушал ему. Автоматически кивнув на еще какие-то слова и проводив врача взглядом, он выкинул недокуренную сигарету и, открыв дверь сел за руль. Теперь, когда бешеная гонка на перегонки со смертью была позади, в его душе осталась лишь пустота. Пустота, вызывающая боль. Он взглянул на свои крепкие руки, лежащие на руле, и на мгновение перед его глазами возник образ лап, покрытых короткой серой шерстью. Но в следующий миг образ пропал, оставив на своем месте лишь самые обычные человеческие кисти. И тогда человек, который так и не стал зверем, уронил на них голову и заплакал.

Irbis. <http://anavelgato.narod.ru/dragon> 25.10.03

Принцесса и дракон

I

Скоро рассвет... веки тяжелеют
И засыпая, роняю тетрадь.
К чему всё – я писать не умею
Мне бы только бумагу марать.
Два неумелых штриха на бумаге
Замок с принцессой.. Он ещё пуст
Дракон не на страже. Он на параде
Но скоро вернётся – он сторож уст
Спящей принцессы, и отлучиться
Не сможет в ближайшие двести лет
А в замке спят.. И не будет награды
Дракону – кроме стрел.. И валет
Пиковый, червовый, бубновый – неважно
Прибудет внезапно, не спросив никого
Забрать принцессу – это несложно
Дракону всадив меч под ребро
Один поцелуй... один, осторожно,
Разбудит её...
Два штриха на бумаге.. Дверь и окно
Недостроенный замок...
Дракон...
И рассвет.
И один из моих странных снов...

II

Потерянный дракон

В одном странном мире, в замке одного из маленьких королевств жила принцесса. Жила она припеваючи, не тужила, и занималась всем тем, что положено делать принцессам – а именно мечтать о прекрасном рыцаре на белом коне, который приедет за ней и возьмёт в жёны. И так безбедно и счастливо она прожила 25 лет, и тут решил король отдать её замуж за проезжавшего мимоходом через королевства прекрасного рыцаря на белом коне.

Да и рыцарь как раз оказался холостым, а в принцессу влюбился с первого взгляда. Правда злые языки шептали, что не обошлось здесь без приворотного зелья, но на то они и злые языки, чтобы шептать всякую чушь несусветную.

И вот, в один прекрасный день решили сыграть свадьбу, но только было одна маленькая проблема – по обычаю, когда рыцарь брал в жены девушку королевских кровей, он должен был спасти её из лап дракона. Давным-давно зародился обычай этот и со временем превратился в обряд – обычно находили неподалеку дракона, он прятал у себя в пещере принцессу, а на следующий день за ней приезжал рыцарь и устраивал с драконом потешный бой при большом стечении публики, после чего забирал себе принцессу в жены.

Но в этот раз вышла маленькая неувязочка – все драконы куда исчезли. Уж челядь бегала-бегала по окраинам и окрестностям, по буеракам и оврагам, искала хоть какого-то дракона – а не находили. Драконы куда враз исчезли, причем так тихо, что никто и не заметил их пропажи. Только ветер теперь шелестел в их пещерах, да поблёскивала старая чешуя, валяющаяся на полу. И никто не знал, куда же подевались все драконы.

Погоревал немного рыцарь и сел на коня, решив самому поискать дракона, и договориться с ним. Долго он ездил по всяким городам, немало дорог исколесил, и даже пару раз

хотел плюнуть на всё, и жениться на какой-то другой девушке, обычной, но вот только совесть мешала ему – раз он обещал, то какой же он рыцарь, если данное слово сдержать не может?

Прошел год... Плащ рыцаря стал серым от дорожной пыли, конь больше не был ослепительно-белым, латы поржавели под дождями и уже не сверкали так на солнце. и рыцарь уже не летел как ветер, а медленно ехал по дороге, куда глаза глядят – и вдруг обнаружил, что глаза глядят на небольшого светло-серого дракона, который разлегся на вершине холма, и нежился на солнышке.

Обрадованный, рыцарь помчался к нему, спешил и начал его тормозить за хвост.

– Убрмп... – сквозь сон пробормотал дракон, и выдернул хвост из рук рыцаря. Тогда рыцарь достал из кармана пару монеток и позвякал ими у уха дракона.

Дракон приоткрыл глаз, и посмотрел на рыцаря:

– Что тебе надобно, добрый рыцарь? – спросил он.

Рыцарь рассказал ему про то, что он хочет жениться на принцессе, и нужен ему для этого дракон, чтобы он похитил принцессу.. Дракон долго думал, почему-то вздыхал (отчего рыцаря заволакивало дымом), по потом попросил ещё день на раздумья.

На следующий день рыцарь подъехал обратно к холму и увидел дракона, лежащего в задумчивости и смотрящего на облака. Рыцарю стало интересно, и он спросил дракона, почему он так задумчив.

– Видишь ли, – ответил дракон – все знают, что для того, чтобы рыцарь мог жениться на принцессе, принцессу должен похитить дракон. Но мало кто знает, что после свадьбы драконы пропадают, и больше их никто не видит. Вот поэтому и не осталось драконов. Я – последний дракон, – грустно пробормотал он, – и сейчас мне приходится выбирать между долгом и страхом.

Рыцарь, узнав про это, стал отговаривать дракона, уверяя его в том, что король там добрый и сыграет свадьбу и без дракона. Но дракоша лишь грустно улыбнулся и махнул хвостом:

– Раз ты нашел меня, то я выполню твою просьбу. Садись на меня и полетели к твоей принцессе.

Рыцарь уселся на шею дракону, и они полетели обратно в королевство, где принцесса каждый день весь этот год ждала вечерами рыцаря и скучала по нему.

Когда они прилетели, она бросилась ему на шею и крепко-крепко обняла, а потом села на шею к дракону и они улетели к пещере.

На следующий день рыцарь был мрачнее тучи и всё валялось у него из рук. Он никак не мог забыть, что рассказал ему дракон, и страстно желал только одного – чтобы этот дракон оказался неправильным, и не исчез после того, как они отыграют свадьбу. Он два раза чуть не угодил под лапу дракону, но потом всё-таки коснулся его мечом и забрал принцессу.

После пира он первым делом побежал смотреть, есть ли дракон в пещере – но его там не оказалось – только поблёскивала на земле серая чешуйка. Рыцарь бережно поднял её, спрятал, и позже повесил себе на шею как амулет. И даже принцесса не знала, что её муж убил последнего дракона в этом мире.

А когда рыцарю становилось тоскливо долгими зимними вечерами, то он сидел у камина и что-то рассказывал амулету. А чешуйка загадочно поблёскивала огненными зайчиками, и в эти дни многие клялись и божились, что видели дракона, пролетающего над замком, или заглядывающего в окно. Хотя, кто их знает – мало ли что может померещиться?

III Принцесса

В одном странном мире, в очень уютной пещерке жил небольшой белый дракончик. И жилось ему неплохо – его окружали друзья, каждый день в пещере около камина собирались те, с кем ему было весело – угольно-чёрная пантера, добродушная волчица, леопард, ангорская кошка, камышовый кот и многие другие, которые частенько заглядывали на огонёк. И они сидели до раннего утра, болтая обо всём, и громко смеясь на всю округу.

Но в один день дракончик решил продолжить свой род.. Но это было сложно, потому что надо было ему найти либо драконессу, либо принцессу. Дракончик облетал всю округу, и расспросил всех знакомых – но никто давным-давно не видел в округе драконесс, да и в дальних краях их давно не видели. И тогда дракончику ничего не осталось, как искать себе принцессу.

Времени прошло немного, и нашел он принцессу себе совсем недалеко от дома.

Достал он из подвала часть своего золота – а надо сказать, что дракончик, как и все драконы, умел находить клады – поэтому в его доме всегда было золото. Но он никогда не копил его и всё, что находил – раздавал друзьям, оставляя себе совсем ничего на крайний случай. Так вот, достал он из подвала часть золота и полетел свататься к принцессе. Та, увидев дракона, сначала не соглашалась, но увидев подарок – мгновенно изменила своё решение и вышла замуж за дракона.

Сыграли они свадьбу, принцесса переехала жить к дракону, и началась у них семейная жизнь.

Прошел год... Дракон за это время осунулся и побледнел, шкура его – а они был покрыт не чешуёй, а мягкой шелковистой шерстью – утратила свой блеск и стала пепельно-серой. Дракон всё чаще и чаще уходил грустить на поляну, а в его доме перестал звучать весёлый смех – все те, кто раньше к нему заходил, перестали него навещать. Сначала

они приходили к нему, но потом принцесса поставила условие – "или они, или я!" – и дракон рассказал это своим друзьям.

Правда потом им пришлось отпаивать дракошу валерьянкой, потому что стало ему очень плохо после этого – ведь он очень любил своих друзей, и тем тяжелее было ему это говорить. Хлебнув валерьянки, и немного успокоившись, дракоша предложил, что будут они теперь встречаться у ручья на поляне по вечерам, когда принцесса уже спит... Но это уже было не то, и вскоре он каждый вечер одиноко сидел у ручья, слушая песни воды, и напрасно надеясь, что кто-то придёт.

А принцесса тем временем потратила все запасы дракона, и стала шпынять его, чтобы он принёс ей ещё золота. Дракоша вздохнул – он очень любил принцессу – и полетел на поиски золота. Но тут выяснилось, что свой дар находить клады он потерял – он мог их находить только тогда, когда был счастлив... А сейчас он был несчастлив как никогда, и не знал что ему делать. С пустыми лапами он вернулся домой и рассказал всё принцессе. Та посмотрела на него злобными глазами, прошипела "и зачем я за тебя вышла замуж", и заявила, что раз нет золота – то она тотчас уходит к своему любовнику – рыцарю Белому, а дракон ей не нужен, и ничего её в этом доме не держит (детей у них так и не было, о чём дракоша очень жалел...). Дракон только вздохнул в ответ:

– Но ты не можешь уйти – ведь ты моя жена.

– Тогда мы устроим турнир – пусть рыцарь победит тебя, и я стану его женой.

Дракон согласился, потому что он ни в чём не мог отказать принцессе, даже в такой сумасшедшей просьбе.

На следующий день на всех деревьях в округе висели таблички: "Через неделю на большой арене состоится бой за руку прекрасной принцессы между драконом и Рыцарем Белым. Приглашаются все желающие посмотреть".

На турнире дракон конечно же поддался рыцарю, а тот, случайно или намеренно, ударил его копьём прямо в сердце, и выиграл бой. Дракоша свалился на землю, радостный рыцарь

с принцессой ускакали в свой замок, а народ разбрёлся по домам.. А вечером, когда уже темнело, дракон кое-как встал с земли и на последнем дыхании долетел до пещеры, и упал у самого входа.

Всю осень и начало зимы он тяжело болел – ещё немного и рыцарь проткнул бы ему сердце... Но рана затянулась, и в январе дракон впервые вышел из пещеры.

Сейчас он не был похож на того дракона, которым он был полтора года назад – шерсть слежалась, на ней были видны дорожки засохшей крови, левое крыло побаливало, и летать он пока что боялся. Дракоша вздохнул, и вернулся в пещеру.

Тем временем, его друзья узнали, что приключилось с драконом, и начали приходить к нему в гости.. Но каждый раз они заставляли дракона лежащего в углу своей комнатки и нежелающего ни с кем говорить.. Тогда они просто-напросто переселились к нему, и стали жить у него в пещере, присматривая за ней и за драконом, а по ночам собирались вокруг него и прижимались к его шкуре, надеясь согреть его своим теплом и окончательно залечить его раны, как телесные так и душевные. И пантера, которая сильнее всего была привязана к дракону, знала что он по ночам тихо плачет, когда думает, что все остальные спят.

Так незаметно прошла зима и пришла весна. В пещере дракона опять стало уютно и тепло, сам дракон окончательно поправился, и уже даже начал вновь летать. А в пещеру тем временем вернулись весёлый смех по ночам и посиделки около камина, и всё было бы так как и раньше, если бы не взгляд дракона, иногда становящийся грустным. В такие моменты он тихонько уходил от всех и сидел у ручейка... Он прошел через все невзгоды, но они не сломили его – дракон по-прежнему умел любить, но теперь он научился отличать любовь от влюблённости.

И в один день, когда он сидел и слушал песни ручейка, чья-то тень накрыла его. Обернувшись, он увидел перед собой... драконессу. Она была немного меньше его и изящней,

а шерсть её отливала золотом. Дракон от растерянности не знал, что сказать, и поэтому долго стоял с открытым ртом, смущённый и растерянный. А потом, извиняясь за свою нерасторопность, он пригласил её к себе в пещеру, и перезнакомил со всеми своими друзьями. Этот день был особо весёлый, и смех не утихал в пещере всю ночь...

А через два дня дракон нашел клад – первый за два прошедших года.

**Айрил. <http://furpost.furry.ru>
из сборника «Темная сторона души» 2004
изданного Wolf Publishers**

* * *

Мы ходим всё той и одной же тропой,
Мы дышим естественной нам атмосферой,
Мы гоним привычную нашу добычу,
Живя нашей древней испытанной верой.

Она бережёт наше серое племя,
Она закаляет сердца наши в битвах,
Она поднимает нам головы к небу,
Сливаясь в единую волчью молитву.

И ей – всё безумие ночи весенней,
И ей – все проклятия наши и слава,
И ей – все мгновения боли и страха
В замкнутых флажках на неожиданной облаве.

А нам – эти пёстрые смены сезонов,
А нам – эти шрамы в седеющей шерсти,
А нам – это куцее, серое счастье
От ясности жизни и ясности смерти.

Hunter 2004

Корни милосердия

Когда старушка вышла из здания ветлечебницы, на город уже опускался холодный декабрьский вечер. Кот,

сидящий у неё в корзине, недовольно заурчал и отодвинулся подальше под платок, в самый угол. Было тихо и темно, и только мерцающий кристалликами снег, плотно укрывший всё кругом, позволял, по крайней мере, видеть, куда ступаешь.

Она боязливо, бочком, спустилась по скользкой лестнице, осмотрелась, пытаясь сориентироваться – ветлечебница находилась на месте бывшей детской поликлиники, располагающей значительным земельным участком, и до улицы ещё предстояло добратся. Вдруг её взгляд наткнулся на худого взъерошенного мужчину – он сидел на лавочке, опустив голову и монотонно раскачиваясь взад-вперёд. У его ног неподвижно застыл огромный сенбернар. Отчасти из любопытства, отчасти из интуитивной жалости она подошла к странной паре. Пёс, учуяв её кота, тихо зарычал.

– Стан, тихо, – вполголоса приказал мужчина и поднял взгляд, интересуясь причиной беспокойства собаки.

На вид ему было лет тридцать. Интеллигентное ухоженное лицо, ясные серые глаза, и при всём этом – печать измождённости и отчаяния. Это был явный представитель той породы людей, которые, прикоснувшись однажды к наслаждениям дорогой жизни, не могут уже вырваться из их очарования и работают не покладая рук. Или, выражаясь приближеннее к реальности, не покладая ума.

– Что с вами? – прямо спросила старушка. – На вас лица нет.

– Я жду очереди, – бесцветным тоном произнёс мужчина. – Пришёл вот убить своего друга.

Она даже не поняла сначала. А потом отпрянула от него на шаг, и человек криво усмехнулся её испугу.

– Да как же так можно... Кто давал жизнь этой бессловесной твари...

– Я атеист, – сухо оборвал её хозяин собаки. – Пожалуйста, не надо этих ваших сказочек о бессмертной душе и всём таком.

Он сидел нахохлившись, настороженно, будто ожидая вспышки негодования с её стороны. Через несколько секунд, в полном молчании, он наконец взглянул на старушку. Её глаза отсутствующе сконцентрировались в одной точке – там, где сидел, иногда подрагивая, Стан, а брови женщина в задумчивости свела к переносице.

– Странно, как вы думаете? – с горьким сарказмом продолжил мужчина, не дожидаясь больше её ответа. – Да я и сам с ума схожу. Меня повысили в должности... Правда, переведя при этом на другой филиал. Мы жили в сотнях километров отсюда. Я же не мог бросить семью.

Его голос повысился и зазвенел, как у ребёнка перед слезами. Сенбернар вопросительно склонил большую голову набок, словно пытаясь разобраться, что происходит.

– И Стан тоже – моя семья. Но нас не приняли на новом месте. Он лает, когда мы с женой уходим на работу... и здесь лает чаще, чем в прежнем доме, потому что теперь мы живём в центре, а там, знаете, и шумов посторонних больше, на которые собака реагирует таким образом, и соседи требовательнее... не знаю, как это. Законы социума – ты волен жить так, пока не начинаешь мешать жить другим... – он как будто повторял произнесённые кем-то другим раньше слова. – Сначала нам делали замечания с улыбкой на лицах. Потом улыбки растаяли, а замечания превратились в прямые намёки на судебное разбирательство. С нами перестали здороваться, смотря сквозь, будто на пустое место...

Он вздохнул.

– У меня больше нет сил противостоять этому. Да и Стан уже довольно старый... скоро у него начнутся возрастные дисфункции организма, а приходиться домой вечером и обнаруживать собачье дерьмо в самых неожиданных местах – не самое приятное, что можно пожелать себе в такой ситуации. Я взял сегодня отгул и...

– Мне кажется, вы ищите себе оправдание, – тихо сказала женщина.

– Да, ищу, естественно! – зарычал он, выведенный из себя. – Я ищу оправдание, потому что мне необходимо его убить! Необходимо, понимаете?

– А собачьи приюты?

– Приюты забиты под завязку. И занимаются они в основном бездомными собаками: стерилизуют, лечат и кормят, пока те не околеют или пока какая-нибудь сердобольная душа не решит взять себе животное. В общем, это самые нижний слой милосердия.. мы со Станом слишком важные шишки для этого, как я понял из их объяснений.

– Вы могли бы поспрашивать на автостоянках или других охраняемых территориях, не нужна ли им собака. Знаете, я иногда вижу, как собаки бегают за забором здешнего СТО...

– Нет, нет, – слегка раздражённо перебил мужчина. – Не завидую я этим собакам. С ними там не церемонятся, уж поверьте. Это хорошая рабочая сила, которую нужно кормить как можно меньше, чтобы была злее, и на которой удобно вымещать злость от собственной неудачной жизни. А я хочу, чтобы мой пёс умер спокойно. Спокойно и достойно, а не от голода или побоев. Поэтому и я привёз его сюда.

В это время дверь ветлечебницы приоткрылась, лишь настолько, чтобы пропустить голову девушки в зелёной шапочке персонала, которая, передёрнувшись от холодного ветра, крикнула в темноту:

– Ну где же вы ходите, ваша очередь! – и спряталась обратно.

Мужчина резко поднялся, сметая лапами длинной куртки нападавший на скамейку снег. Сенбернар тоже вскочил и вильнул кончиком хвоста, готовый идти куда угодно за своим обожаемым хозяином. Даже на смерть. На честную смерть в схватке с любым противником.

– Постойте! – тонко вскрикнула бабушка, схватив мужчину за локоть – руки он по-прежнему держал в карманах. Движение вызвало неодобрительный взгляд сенбернара,

впрочем, взглядом он и ограничился, слишком умный, чтобы расценить это как акт агрессии. Тем более и женщина оказалась на две головы ниже его хозяина.

– Я устал, – выдохнул он почти беззвучно. – Перестаньте надо мной издеваться. Добро – это замечательно... но когда зёрна падают в песок, больно становится смотреть на сеятеля. Приберегите ваши зёрна для кого-нибудь другого.

– Отдайте его мне, – вдруг сказала старая женщина. – Мой Атос недавно покинул меня от старости... да, от старости. А я смотрю на его пустую будку и понимаю, какую огромную часть моей души он забрал с собой, и как её хочется восполнить снова... Щенка я воспитать уже не в силах, а составить дружескую компанию взрослой, умной, спокойной собаке ещё смогу. Так ведь?

Она наигранно подмигнула Стану. Пёс переступил с лапы на лапу. Человек на его месте приподнял бы бровь. Его хозяин тем временем продолжал стоять, явно ошарашенный: он никак не ожидал подобного предложения.

– Подумайте, – горячо зашептала бабушка. – На моём веку родилось и умерло много собак. Все они были для меня как дети... и каждый раз я думала, что это всё, в последний раз, и следующей уже не будет, потому что эта – самая лучшая, самая любимая, самая-самая... и вообще немного походит на предательство, ну вы понимаете?

Человек торопливо кивнул – не принимая решения, а просто соглашаясь с последними словами. Стан тоже не был первым псом, переступившим порог его дома. Вторым, если точнее.

– Я так и не смог вытащить Рэди, – неожиданно для самого себя хрипло произнёс он. – Ей было всего три года... и последний год из этих трёх я надеялся, что моя забота и доступные лекарства спасут её от чумки... несколько месяцев промалывал через мясорубку всю еду и закладывал ей прямо в глотку, потому что у неё развился паралич челюсти. Я не

верил, не мог. А вы говорите – жизнь твари... Видели бы вы, как она умирала... – Мужчина сморщился, как от резкой боли, сглотнул и закончил:

– А через год у меня появился Стан. Тоже сенбернар. Я понял, что больше не смогу лечить безнадежность. Знаете, когда вы смотрите на большую собаку, которая лежит беспомощно, надеясь, что вы что-то сделаете, чтобы облегчить её страдания, – это душераздирающее зрелище. Даже с людьми легче – они, по крайней мере, могут сказать, как им хреново. А эти, бессловесные... Это ведь они учатся со временем пробивать стены нашего непонимания. И мы, глупые люди, начинаем радоваться, какая у нас умная собака. Мы сами никогда не меняемся, мы, наверное, слишком горды для того, чтобы делать шаги навстречу глупым зверям, даже если у них совершенно человеческий взгляд.

Они стояли и смотрели вдаль с холма на низко прижавшийся к земле свет окон частного сектора, где располагалась ветлечебница, ещё дальше – на световую шахматку высоток, тянущуюся к низкому небу, что затянулось багровеющими в городском зареве облаками. Незаметно пошёл снег – сначала отдельными робкими снежинками, затем – крупными кружевными хлопьями, полёт которых, особенно если смотреть прямо над собой в небо, способен заморозить надолго. Но на этот раз единственным, кто обратил на него внимание, оказался пёс – он смешно отдёргивал голову, когда ему на нос опускались холодные звёздочки, фыркал и слизывал их.

Дверь за их спинами снова открылась, коротко обрисовав на снегу три силуэта. Недовольно пытаясь толстуха в дорогой шубе, зажав под мышкой завернутого в одеяло мопса, прошла было мимо них, затем, словно снизойдя, остановилась вполоборота к хозяину Стана и холодно обратилась к нему:

– Свою очередь вы пропустили, так что вас решили больше не ждать. В конце концов, с вашей стороны это было некорректно по отношению к остальным.

И она двинулась дальше, величественная и неприступная. Мужчина, сгорбившийся под невидимым грузом, чей тонкий силуэт в чёрной куртке напоминал скрюченную обгоревшую спичку, и маленькая женщина в каракулевом пальто и пуховом платке смотрели ей вслед.

– Пойдёмте, – дотронулась наконец до его руки старушка. – И вы, и Стан уже давно замёрзли. Я живу недалеко отсюда. Хотите чаю с вареньем? Да хотите, я знаю.

Ласковое, почти материнское прикосновение вывело его из оцепенения, хотя и не настолько, чтобы он обрёл способность принимать какие-то связные решения. Переставляя ноги, как автомат, мужчина побрёл за своей собеседницей на улицу через садик, в котором стояла ветлечебница. Ветви невысоких деревьев, высаженных стройными рядами вдоль аллеи, по которой они шли, нагнулись под тяжестью пушистых снежных шапок и сомкнулись воедино, образуя причудливые арки, покачивающиеся и поскрипывающие с каждым порывом ветра.

Улицу замело. Несмотря на раннее время, – взглянув на часы, мужчина обнаружил, что только половина шестого, – вокруг не было ни души. Видимо, пенсионеры предпочитали отсиживаться дома перед телевизором в такую погоду, а у более молодого поколения ещё не закончился рабочий день. Лишь откуда-то издали доносился весёлый визг играющей детворы. Так что двое людей и собака шагали, утопая в нетронутом море снега, разлившемся от забора до забора, от горизонта до горизонта, пока не выливалось к центральным улицам и проспектам, на которых всегда кипит жизнь, не утихает движение, а белые звёздочки слипаются с жидкую бурю слякоть.

Шерсть на брюхе сенбернара свалилась в промёрзшие сосульки, смешиваясь со снегом. Он предпочёл передвигаться странными, немного нелепыми прыжками с места на место выискивая более плотную поверхность. Люди просто разгребали белое море ногами, оставляя за собой не цепочки следов, а два сплошных коридора.

– Вы знаете, – неожиданно сказал хозяин собаки, после того, как несколько минут они прошагали рядом молча. – Вы смотрите на меня, наверное, и думаете, что я всего лишь большой ребёнок: обвиняю всех и вся, кроме самого себя. Хотя ясно на самом деле, что социум – рационален, и правила эти были разработаны для того, чтобы выжить. Они достались человечеству потом и кровью, путём тяжёлого опыта, по фильтру морали, которая обеспечивает нашу общность, сплоченность, и, как следствие, безопасность. И, естественно, когда ты начинаешь действовать вопреки всему этому организму, то уподобляешься микробу, который все остальные клетки пытаются придушить.

Бабушка кивнула с лёгкой улыбкой:

– Да нет, я с самого начала догадывалась, что вы это понимаете.

Он не смог удержаться.

– Только чужой опыт никогда не учит так, как твой собственный. Немного обидно присоединяться безучастно к договору, который я не хотел бы подписывать. Возможно, я не заслужил его, и потому не понимаю ценности. Здесь нет моего пота и моей крови. И потом... как хорошо общность не обеспечивала бы безопасность, с тем же успехом она не даёт дышать свободно.

– Да вам надо жить на необитаемом острове, – миролюбиво заметила старушка. – Микробы могут дышать свободно, пока не попадают в тело. А там их, как вы помните, давят.

Мужчина смешался.

– Извините. Я на самом деле много разговариваю.

– Да бросьте. У меня довольно скучная жизнь. Когда ещё будет шанс встретить такого необычного собеседника? Некоторые старухи, вы не могли их не встречать, кидаются с бранью на каждого встречного, за малейшую провинность, которую только могут приписать другим. Стоит кому-нибудь сорвать цветок под их забором, или абрикоску с их дерева с ветки над дорогой – считайте, что светопреставление началось. Вас с радостью проклянут до седьмого колена в обе стороны, и достаточно громко, чтобы об этом узнала вся улица. Почему, спросите вы? Особых сил на физический труд у них уже не осталось, а просиживать место на лавочке у дома – надоедает. Всё это от скуки, дорогой мой... всё это от скуки.

– Меня зовут Алексей, – немного неприязненно вставил мужчина, решив предупредить подобные речевые обороты в свой адрес.

– Хорошо, Алексей, я запомню... Так вот, им тоже не хочется поступать подобным образом – но они прекрасно знают, что иначе внимания им не уделит никто, разве что такие же старухи-развалюхи. А внимания, представьте себе, хочется даже старухам.

– Иногда внимание проявляется в том, что от тебя отворачиваются все поголовно, – процедил мужчина, произвольно сжав пальцы в кулак. – Из принципа.

– Так мы и не сговоримся, – слегка сокрушённо подытожила бабушка. – Что ж... никто не ценит того, что имеет. Возможно, такая вот тишина и одиночество – самое то, что нужно старикам. Привыкнуть, к земельке подготовиться...

Алексей не ответил.

Вскоре она остановилась у одной из невысоких калиток перед двухэтажным – как и большинство здесь – домиком, тронула рукой щеколду, и разбухшее от зимней влаги дерево лениво заскрипело на щеколдах, пропуская их во двор. Перед окнами, скорее всего, летом разбивался цветник, но сейчас двор казался тоскливым и пустым. За домом простирался

участок, но он по большей мере терялся в зарослях кустов и деревьев.

– Стеречь у меня и нечего особо, – почти извиняющимся тоном сказала она, видимо, оправдывая свою ветхую калитку. – Я и собаку-то последнюю завела, когда все дети и внуки разъехались, чтобы хоть кто-то живой рядом...

И внезапно умолкла, словно окончательно решив не обсуждать больше с Алексеем вопросов одиночества. Он будто и не обратил внимания на её слова, разглядывая вместительную будку с оцинкованной плоской крышей. Рядом с будкой валялась цепь, конец которой утопал в снегу. Женщина, заметив этот взгляд, торопливо подошла к будке и подняла тяжёлые прочные звенья, местами тронутые ржавчиной. К счастью, ошейника, этого собачьего обручального кольца, на цепи не было. Алексей почувствовал, что при виде ошейника ему стало бы совсем плохо. Не физически, нет. Возможно, он просто не мог бы пойти домой, а, сбросив жене смс, чтобы не беспокоилась зря, просидел бы до утра в каком-нибудь подвальчике, приспособленном под неприхотливые вкусы здешней молодёжи, и заливал странную толку дешёвыми, но крепкими коктейлями под мигание стробоскопа и ритмичный грохот ударных.

– Прицепи его сам, Алёша, – негромко произнесла бабушка, кивнув на Стана. – Пусть посидит, попривыкает, а мы пока выпьем чаю и согреемся.

Он так и сделал. Карабин цепи защёлкнулся на пряжке ошейника Стана – хорошего кожаного ошейника. «Кому какая разница», – горько подумал мужчина, отойдя на пару шагов и поражаясь невероятному контрасту: ухоженный, полный сил и достоинства пёс – и жалкая нищая конура, которой Стан, даже на цепи, пытался незаметно сторониться, ощущая запахи владения чужой собаки. Пусть и умершей, это сенбернар понимал не менее чётко.

– Сидеть и ждать, – приказал Алексей тем особым тоном, по которому всегда можно отличить хозяина собаки, и

повернулся к застывшей рядом в молчаливом очаровании женщине. Она тоже уловила контраст, который так зацепил душу Алексея, и ей стало неловко вводить гостя в собственный дом. Всё относительно, и сейчас ей было, с чем сравнивать. Но деваться было некуда, и она кивнула, приглашая его за собой.

В доме пахло старостью. Старые вещи, пыль, но этот запах скрашивали ароматы пряных трав, доносящихся и кухни, и наиболее сильным из них был запах мяты. Пока Алексей разувался и пристраивал куртку на стойку-вешалку, бабушка успела сбегать в комнату – и через несколько секунд там приветливо вспыхнула лампа под тёплым жёлтым абажуром.

– Проходите, присаживайтесь, – предложила она, махнув рукой в сторону комнаты, в то время как пробежала мимо него на кухню. – Я чайник поставлю!

Алексей слегка оторопело посмотрел ей вслед, поражаясь неизвестно откуда взявшейся в старухе прыти. «Стены дома, – решил он наконец. – Я возвращаюсь к семье, а она только к этим стенам. Они её и греют».

Комната была обставлена, говоря деликатно, скромно. Железная кровать под пышной периной у одной стены, застеклённый комод с книгами – у другой. Под окном примостился круглый стол, на котором и стояла лампа, и жёсткое с виду кресло рядом. Пол застилала тонкая циновка – скорее из эстетических чувств, нежели с целью утепления пола. Стены украшали календари вперемешку с репродукциями известных картин.

– Я извиняюсь, Алексей. Вы стул не захватите?

Бабушка появилась в дверном проёме, обхватив стул за спинку обеими руками. Он перехватил его за сиденье, и хозяйка, облегчённо потеряв поясницу, вернулась на кухню.

– Вам помощь не нужна? – на всякий случай крикнул мужчина.

– Нет, благодарю, – слышалось в ответ. – Я, конечно, старая и беспомощная, но не настолько же!

Он пожал плечами и понёс стул к столу, установив его напротив кресла. Неожиданно почувствовав дрожь в коленях, он опустился на обитое обветшалым дерматином сиденье и начал рассеянно блуждать взглядом по комнате.

Рассматривать здесь было особо нечего. Разве что фотографии за стеклом комода заслуживали внимания. На них были запечатлены дети, девушки и юноши, несколько свадебных фотографии, но основное место занимала любительская съёмка – люди смеялись и дурачились перед объективом, не боясь выглядеть как-то «не так».

Тем временем бабушка вернулась, неся в каждой руке по чашке чая, после чего сбегала за непочатой банкой варенья и двумя десертными вазочками, и уселась в кресло. Без пальто, в платье и с шалью на плечах она выглядела ещё миниатюрнее. Вот только освещение, даже такое слабое, прибавляло ей морщин.

– Варенье я сама делаю, – похвасталась бабушка. – Когда его не приходится варить на целую семью, это совсем не трудно.

Алексей аккуратно поставил чашку на стол. Звук получился мягкий, приглушённый – под клеёнку была подстлана фланель.

– У меня есть только один волнующий вопрос, – сказал он, прислушиваясь к тому, как горячий чай согревает его незаметно замёрзшие внутренности. – Чем вы его кормить будете? Стан всё-таки не маленький комнатный пёсик, а обстановка, простите за бестактность...

Он развёл руками, теряясь в словах.

– А, – развеселилась она, – вот вы о чём. Найдётся, конечно. Тут неподалёку ресторан есть, где я уборщицей подрабатываю. Когда Атос был жив, мне всегда давали из кухни достаточно объедков. Обычно люли свиньям и курам

берут, а я собаку вот кормила. Пейте чай, у вас же все пальцы синие.

Алексей кивнул и зачерпнул ложечкой варенье.

– Не могу держать кур, – неожиданно призналась бабушка. – Как подумаю, что их надо будет резать...

– А где вы на этих фотографиях? – они по-прежнему приковывали его взгляд.

– Нигде, – ответила она просто. – Это всё мои дети в их дети. А вон та, в углу, – мои родители.

– Вы считаете себя нефотогеничной? – мягко улыбнулся Алексей.

Она пожала плечами.

– Сейчас?

– Хм. Ну, раньше. Или вы в молодости не фотографировались?

– Вы не умеете разговаривать с женщинами, – суховато заметила бабушка. – Как вы только женились, ума не приложу. Да, я была фотогеничной. Раньше. Поэтому все мои снимки спрятаны далеко-далеко.

Она отвернулась к окну, где влажный снег шёл тяжёлым и частым пунктиром.

– В западных странах многие пенсионеры путешествуют, – задумчиво произнесла она. – У них нет потребности испытывать милосердие к каждой собаке или кричать на прохожих из-за сорванного абрикоса.

Алексей смотрел в опустевшую чашку. В коридоре тикали часы, безжалостно отмеряя уходящее время.

– Мне нужно идти, – проямлил он. – Я обещал, что не буду задерживаться. Спасибо, что согласились взять себе Стана.

– И вам спасибо. Идите, – слегка недоуменно ответила женщина. – Я же вас не задерживаю. Только... не приходите больше. Пусть отвыкает сразу. Вам обоим так будет лучше.

– Пожалуй, вы правы.

Они вышли из-за стола. Алексей наскоро оделся, горя желанием поскорее покинуть этот дом.

– Прощайте, – коротко сказал он, уже выйдя за дверь.

– Прощайте.

Проходя мимо Стана, мужчина бросил на него взгляд и произнёс тихо, одними губами, но с прежней твёрдостью в голосе:

– Сидеть и ждать.

И скрылся с глаз старой женщины и старого сенбернара. Потом она закрыла дверь, а пёс продолжал сидеть неподвижно, и на его голову падал мокрый снег – почти дождь. Когда из-за деревьев показалась луна, он задрал морду и завыл, влекомый древним инстинктом и неподотчётным ужасом.

На следующее утро старушка, накинув пальтишко, вышла во двор, перегнулась через заборчик и принялась всматриваться из-под ладони против сияющего солнца куда-то вдоль улицы. Пёс, осипший за ночь, безучастно взглянул на неё, когда она вернулась к будке и присела рядом на корточки. Скрюченные узловатые пальцы осторожно легли Стану на лоб, потрепали за ушами, погладили спину.

– Ты хороший пёс, – сказала старушка. – Конечно, не лучше Атоса – его действительно никто не сможет заменить. Стоит ли пробовать?

Она вздохнула и помолчала немного.

– Дело даже не в этом. Так легко забыть, что на самом деле ты уже давно нигде не работаешь, и живёшь от пенсии до пенсии, считая дни и деля копейки. Прости меня, Стан. Я всю ночь думала. Мы становимся очень бессердечными, когда речь заходит о выживании. Знаешь, тут рядом живёт один мальчик, и у него есть бойцовая собака. Такие собаки рождены для того, чтобы их срабатывали с другими собаками. А в перерывах между боями мальчик разыскивает больших мощных собак вроде тебя, и уходит с ними и своим псом в

лес. Большие мощные собаки потом не возвращаются, Стан. Но я не думаю, что ты предпочёл бы тряпку с эфиром. Я уже позвонила этому мальчику, и он сейчас придёт за тобой.

Она гладила Стана и разговаривала с ним, казалось, целую вечность. И пёс, которому уже было всё равно, молча внимал словам, смысла которых понять не мог. А старая женщина увлеклась и не заметила того, как на её калитку одновременно легли две ладони. Одна – двадцатилетнего юноши, жестокого и самоуверенного под защитой угрюмого пружинистого питбуля на поводке. Другая – Алексея, на чьей стороне не было ни одного защитника – кроме старого сенбернара, беспомощного на цепи, вскинувшегося в шумном танце радости и приветствия.

Большого и не требовалось. Он пришёл за своим другом.

И не допускал иного исхода.

Hunter. 17/07/2004

Поэзия

AlexLion

Black Cat

Dreamwood

Hunter

Laurra and Aidji

Marsspy

Red Dragon AKA Irbis

Riddle Lionness

StormWind

Thorny Fox

Zira

Ушла Тигра

Только хвост её неуловимый
Поманил полосками во тьме.
Словно звёзд призыв неумолимый,
Тихий рык рождается во мне.

Друзья во тьму уходят часто,
Бывает, нет подолгу их.
И просят не грустить напрасно,
Но лиц их нет среди чужих

Я знаю, где-то есть они,
Все те, кто должен был уйти.
Бредут на яркие огни
Что светят им на их пути.

Они дорогу всю пройдут,
Их не забудут, им помогут.
Пусть знают, где-то там их ждут,
Друзья помогу всем, чем смогут.

Когда-то ведь уйдём и мы,
Уйдём туда, где мы чужие.
Исколесим пути судьбы,
И будем помнить дни былые...

10.08.2003

Wildy – Alex the Lion.

Когда. Часть вторая. Отражению

Сделай мне надрез на аорте
Острым ногтем злобы своей
Знаешь, стыдно мне за твою злобу
Не прощусь до конца своих дней

Мне так жалко что мне не видеть
За словами твоими чувства
Остается мне только гадать
Весело в жизни тебе или грустно

Ты прости, что за дымкою взгляда
Не прочувствовал я души.
Что друг другу мы не были рады?
Не достоин я был? – сам реши..

И прощай, знаю – всё позабудешь,
Я хочу чтоб ты всё позабыл.
Навсегда грустной памятью будешь,
Но хочу чтобы ты не грустил...

3.02.2004

Напоследок

Дайте воздуха пригоршню мне,
Дайте света глоток и теней узелок,
Подарите листвы прошлогодней,
Диких елей запах печальный.
Покажите заветную нить,
Что натянута над горизонтом,
Да посейте мне росы хрустальны..

Я хочу поглядеть водопад
Из зелёного шумного моря
Утонуть, под волнами заснуть,
И не видеть безликое горе,
И не бредить о сладостной воле,
Дайте мне лишь навеки уснуть..
Покажите мне грустный закат,
Нарисуйте таинственный остров,
И не ставьте заборов и врат
На пути в этот маленький город
Из теней паутины невидной,
Из дождей полупризрачных пыли,
Да ветров положите за ворот,
Да прижмите ладошкою тёплой..

Поднимите меня над лесами,
Пронесите горами седыми,
Напоследок мне звёздную высь
Из руки вы своей покажите.
Расскажите, как надо летать,
Как мне счастье в жизни поймать,
Коль судьба, словно нить порвалась..
Напоследок, душой накормите,
Дайте слово сказать напоследок...

28.06.2004

Сердце оборотня

1

В тени небес, во свете тьмы
Жить суждено таким созданиям.
Блуждает с ночи до зари
Ведомый, будто бы, неведомым заданьем.

В полях, в лесах, по всей округе
Гуляет одинокий волк.
Не попадёт охотнику он в руки –
Запасся разумом он впрок.

Ведь этот зверь, полночный страх,
Днём просто станет человеком.
Луну прославит он у солнца на глазах,
И разнесётся вой последний эхом.

2

Коль встретишь ты его в пути,
Ты не спеши пугаться смерти иль проклятья.
Ты оборотню слово доброе скажи –
Не тронет он тебя, лишь пожелает счастья.

От лап его не пала ни одна душа.
Он просто не умеет убивать,
Зато умеет жить он в мире, не греша,
Дарить добро он хочет, да никто не хочет брать.

Всяк человек от мала до велика
Слыхал тот бред про дьявольских зверей,
Которыми чистилище набито,
И что для них нет запертых дверей.

Нет никакой звериной адской злобы
В душе того, кто оборотнем стал.
Он также верит в свет молитвы слова,
И жизнь за счастья миг спокойно бы отдал.

Под шкурой грубою живое сердце бьётся,
В груди огонь живой горит,
И огненной струёй на сердце кровь прольётся,
Коль в нём любовь заговорит...

3

В любви он предан был как пёс последний,
Он возносил её на небо сильною рукой,
Ему она дала надежду думать о наследье,
И в жизни он не знал такой другой.

Но как-то раз она взглянуть решила,
Куда ночами поздними из дома он бредёт,
Он в лес пришёл и зверем обратился,
И только знает он теперь – её он не найдёт.

Она так бросила его внезапно,
Что он подумать не успел,
Чем он её обидел безвозвратно?
Так, что он в миг остался не у дел?

Он одиночеству компанию составил,
Печальнее, наверно, трудно отыскать, чем он.
Давненько он семью и дом оставил,
И где-то недалеко нынче бродит он.

4

Он странника издалека завидев,
Из чащи вылезет спокойной ночи пожелать,
Каков бы ни был твой ответ, тебя не тронет он,
А иногда предложит поболтать.

Бывало заплутавшим помогал
Тропинку нужную в ночном лесу найти,
И просто так о всякой всячине болтал,
Что странно и приятно было рядом с ним идти.

Но многие бежали прочь, завидев полуволокна.
Он уж давно к таким вещам привык.
Уже не ранили такие встречи так глубоко,
Ну что с того, что так он одинок?..

5

Свое он сердце всё ещё готов открыть,
Он ждёт, что кто-нибудь его поймёт.
Как здорово тогда бы в этом мире жить,
Когда есть друг, какой не бросит, не уйдёт...

Не обижай его напрасной злобой,
Не вынесет такого он ответа,
Лишь каплю боли ты добавишь речью грубой,
А он просил лишь лучик света.

Гляди, избитое, израненное сердце.
Ты загляни в печальный взор.
Он ищет ту спасительную дверцу,
Где скрыть он сможет свой позор.

6

Он столько грязной ненависти знал,
Что ей он мог заполнить океан.
За добрый взгляд он всё б отдал,
За каплю мази для своих глубоких ран.

А чувств других клочок так дорог стал,
Что он воспоминанья давние хранит,
О времени, когда он ласку знал,
И мать, к которой он как будто бы спешит.

Старушка сына ждать не перестанет,
Вот только бы до дня того дожить,
Когда он на пороге дома старого предстанет,
И станет разговор о прошлом говорить.

Он тыщу раз хотел домой к себе прийти,
И матери пожаловаться тихо,
О том, что пробовал он счастье найти,
Да только был изранен злостью дико.

Глубоки сердца раны кровоточат,
Растерзанное, грубой ниткой сшито,
Порезано мечты осколком, кровью плачет.
Не тронь его – оно разбито.

28.03.2003

* * *

Скрипки плач и завыванье,
Хохот смерти, лай собак
Невозможно ожиданье
Здесь в долине все не так.

Здесь так странно состраданье
А любви и вовсе нет.
Здесь сижу я в ожиданьи
Тех волков чей серый цвет

Место встречи не случайно
Злые битвы были здесь.
Место выбрал я специально
Ведь я с миром, чистый весь.

Здесь найду свое спасенье
Драться с вами не хочу.
Нужно ваше мне прощенье
За всех людей собой плачу.

Серые тени скрылись во мраке
Гордость и вечность был их ответ
Вой затихает в холодном овраге
Кровью от крови прощенья нет

...

Холодные капли
Ночного дождя
Уносят твой разум
в экстазе кружа

О всем ты забудешь:
проблемы, дела..
Тебя несет дождь
Обнимая, любя

Зависни под душем
Питерских стрел,
Омой ноги в луже
Забытых проблем,

Раскрой свою душу,
Услышь голос мой
И стрелы дождя
Ты в себе упокой.

май 2004

...

Ты увидишь что тень твоя
стала короче чем день
Ты увидишь что смерть твоя
Стучится в открытую дверь

Ты поймешь что напрасно
Терзал гитары струну.
Не зря же солнце так красно
Склонялось сегодня ко дну.

И о жизни твоей.
Судить уже не тебе.
А о Смерти Твоей...
уж наверно не мне.

июль 2004

* * *

Усни крепким сном,
Мой маленький зверь.
И пусть тебе снится
Жизнь без потерь.

Без нервов и молний
Без тьмы и обид.
Тебе пусть приснятся
Вода и гранит.

Вода точит камень
Но камень молчит.
Он терпит всю боль
Песком лишь струит.

На то он и камень.
Чтоб терпеть и молчать
Но сколько же можно
На месте лежать!

Камни не плачут.
Плачет вода...
Ей очень больно
Убивать навсегда.

А ты мой малыш?
Кем хочешь ты быть?
Тебе выбирать
Бить или любить.

Усни крепким сном
Мой маленький зверь.
И никогда не будь камнем....
Ты мне просто поверь.

август 2004

Бывает

Бывает, что время летит сквозь преграды,
Ловушки, что тщетно расставлены нами
Бывает, что встанет – и ждёт, как награды
Решения, должны что принять только сами

Сквозь ночь к рассвету сквозь окна стекло
Наш дух, бывает – как сумерки – рвётся,
Вспорхнув, лететь, рассудку и телу на зло,
Но лишь боль заключения ему достаётся

Бывает, что внутри что-то бьётся сильнее,
Чем у остальных, у по виду людей,
Которым смутная гипотеза души важнее
Чем теоремы разума, их души – голоса зверей

Им не чужды грехи и слабость человека,
Метания и грозы чувств снаружи и внутри – вот их
удел.

Воссоединились хоть они и на излёте века
Но их стремление к добру не скоро встретит свой
предел.

Вначале была радость новых ощущений:
Энтузиазму и мечтам о светлом не было конца
Но, к сожалению, единство мнимое мировоззрений
Не осветило реальности сурового лица.

Явились те, кого никак не ждали,
Ушли считавшиеся родственной душой
Приветливые – подозрительными стали

Хранящие порядок – потеряли свой покой.

И, как казалось, порождение добра и чистоты,
Отныне стало суть – мрак, борьба и суета
И ранние, теперь ушедшие в себя, идеалисты
Задумались: "Была ль вообще когда-то эта чистота ?"

И тем не менее, сколь мрачен новый вид привычного
мирка и не был,
Остались те, кому не всё равно, кто не готов забыть,
Что рядом, за грозowymi тучами раздоров и обид есть
небо,
И что прорваться к свету лучше, чем скалой застыть.

Бывает так, что будущее ясно и открыто,
Не закрывает его времени туманная вуаль.
Подсказывает путь вперед, что в прошлом не забыто,
И не страшит под солнцем пламенная даль.

Бывает и так, что, сомнением терзаем,
Проводит всю жизнь на распутье герой.
Он устал, и не может жить своим краем;
Он горд, и не пуститься в край чужой.

Чьё веленье, чей разум и власть
Прописали два правила рядом:
Чтоб дарила любовь небеса
И довеском – вкрапления ада?

Этот ад – от вращенья корней,
Жизнь всегда прививается больно,
И, срастаясь друг с другом душой,
Отшатнуться вдруг можешь невольно.

Поборов эгоизм и свой страх,
Приложив ещё каплю усилий,
Мы увидим за нашей спиной
Наши общие крепкие крылья.

Подарить и принять всё, что есть,
Возродившись в другом человеке, –
И огнём воспалется кровь,
С новым телом сливаясь навеки.

Справедливый жестокий баланс.
Лишь принять аксиому: так надо,
Чтобы райское чудо любви
Шло за адским мучением ада.

07.03.2004

* * *

Да, я пьяна – тоскою о тебе,
Да, я пьяна – мечтами и надеждой.
Мне нужен ты, твоё тепло и свет,
О мой зверёныш, ласковый и нежный.

Кружат ветра, сгоняя облака,
Легко замёрзнуть в этом царстве зимнем.
Но греешь ты меня издалека,
Считая дни и помня о любимой.

Едины стали кровью, а душой -
Ещё в прошедшей жизни, с полувзгляда,
И рыжий зверь, сплотивший нас в одно,
Незримым стражем пребывает рядом.

Мы наше счастье пьём на брудершафт,
Наперекор, назло любым барьерам,
И не забудем: самый тёмный час –
Рассвета очевидное преддверье.

Две тропки превратились в общий путь...
Как я хочу мгновения дожждаться,
Когда однажды ты ко мне придёшь,
Чтоб никогда уже не расставаться.

14.02.2004

Зачем нам бой, ну что за бред -
Идти против себя?
В душе и зверь и человек
Ужиться могут без труда.

Один дает нам знаний груз,
И в общество ведет.
Другой – с природой наша связь,
И средоточье чувств.

А вместе – цельный организм
И может, новый вид.
Живет на грани двух миров
И вхож в любой из них

Пусть кто-то нас и не поймет,
И будет упрекать.
Но разве должен этот факт
Нас заставлять страдать?

Жизнь тяжела, иначе как,
Но выход есть всегда.
И в мраке видеть солнца луч
Отнюдь не ерунда.

Июнь 2004 – IG

* * *

Зачем вздыхать о звёздах и Луне,
Об одиночестве, о смерти и потерях?
Друг, может ты и не согласишься мне,
Порою я сама себе не верю,

Но взор оборотив свой на Восток,
Увидев там сиянье алого Восхода,
Я верю, что не так уж и жесток
Наш мир. К чему тогда печали ода?

К чему безбрежные потоки слёз
И бесконечные дороги сожалений?
Открой глаза – нам новый день принёс
Так много радостей, безумств и наслаждений.

Как жаль, что не понять мне никогда
Тех, кто зовёт в нору свою грусть и ненастье,
Ведь есть друзья, свет, пища и вода,
А что ещё нам надобно для счастья?

12.04.2004 – ЛаУРра

Саванна светилась счастьем. Саванна от счастья пылала.
Под солнцем, горячим и томным, спящая львица лежала.
Лежала и громко сопела, во сне покидая тело-
Кто знает, куда, куда же душа её летела?...

Встречная полоса

Ты шагал по встречной полосе
На спине огромной жизни-зебры.
Ты шагал не так, не так, как все,
Для которых путь твой был нелепым.

Мимо пролетали города,
Что ты видел лишь на мониторе.
Знал ты – повернёшь – умрёт звезда
Та, что на твоём лишь небосклоне.

И не поворачивал ты, нет,
Следуя лишь по дороге чести.
Знай, пройдёт совсем немного лет
И мы зашагаем по ней вместе.

Вместе встретим новый мы рассвет
А потом второй, потом и третий.
Верю, с нами вскоре будут все
Кто, как мы, живёт в надежды свете.

Слышишь ты шипенье злое вслед
Но тебе не важна чья-то злоба
Хочешь ты услышать лишь ответ
Тех, с кем мы пойдём вскоре бок о бок.

22.01.2004

* * *

Мы сидим не дыша светом звёзд-светляков,
Мы сидим и глядим в мониторов стекло,
Безобразно висим в чатах, где лишь эрзац
Чувств и мыслей течёт, проповедуя зло
Бесконтактной любви и бессмысленных слёз
Над могилой немёртвых и трепетных грёз
Алкоголиков – поэтов, лесбиянок – теоретиков-
Где же нам взять здоровой конкретики?
Сам я знаю, что всё это точно напрасно,
Но внутренний голос нагло шепчет – "Прекрасно!"
Мы с ним на "ты", мы знакомы давно,
Ему плевать, что сдохну я, ему всё равно -
Требует он хлеба, алкодопинга и зрелищ,
Требует он открыть настежь все двери,
Ведущие к распаду подсознательных желаний
Не имеющих конкретных агрегатных состояний,
Я не слушаю его, я слушаю Сеть,
Как старшекласснице мне стрёмно по накурке залететь
За грань неизвестного, манящего, хранящего
Тепло напалма, съевшего скелеты настоящего
Меня, который жив лишь под песню модема -
Как будто в голове вдруг электрическая схема
Возникла под влиянием седого киберпанка,
Что в нас проник как бомж в вагон под сенью полустанка
Культурного распада на макдональдсы и тампаксы,
И я терзаю жёлтую и белую плоть "Яндекса"
Алкая безвозмездного возмездия всем низшим,
Которым сделать добрый жест кому-то – это "крыша",
И так сию из года в год я на "игле" канала,
И кажется всё мне, что даже сотни лет мне мало
На то чтобы понять себя и в чём-то примириться
С одной, чьё имя-"Совесь", упрямой дьяволицей..
Ну что же – мне не страшно, не висит надо мной плеть-
Сейчас буду готов я снова в бездну полететь..

* * *

Я вижу не людей – лишь силуэты света
А я – как статуя из камня мавзолеев.
Я помню, что когда-то и я был человеком.
Теперь я – просто камень. Но нет, я не жалею
Пульсаций глупой жизни, несбыточных надежд
На лучший мир без мрака, без зла и без обмана
Я камень. Я прорву тенёта из невежд,
Глупцов, ханжей, банкиров, наркоманов-
Всех тех, кто так давно растёт в бетонных
джунглях....
Я камень. Я не жив.
Я просто новый, мертворождённый миф.

* * *

Крылья из пластика, сердце из стали.
Помнишь, мы вместе с тобою мечтали
Прыгнуть с обрыва, поймать крылом ветер...
Нет. Крылья лопнули, хлопнув довольно,
Сердце из стали ёкнуло больно-
Рухнул я вниз, слыша горестный плач
Твой. Но я верю, меня ты забудешь,
И горевать обо мне редко будешь
С кем-то танцуя в фате облаков
Вместе со свитой из мёртвых ветров.

Гимн фурри

Фурри это я,
Фурри это ты,
Фурри это длинные, пушистые хвосты.

Фурри это глазки,
Где застыл вопрос,
Фурри это черный, любопытный нос.

Ушки на макушке,
Остры коготки,
Беленькое брюшко, белые клыки

Фурри это радость,
Фурри это смех,
Фурри есть повсюду, фурри лучше всех!

20.09.2003

Точка зрения

Там, где улыбку вижу я,
Ты видишь лишь клыки и злость.
И где врага узреешь ты,
Там для меня всего лишь гость.

Ты видишь когти, как клинки,
Но вижу руку брата я.
Тебе соперники нужны,
А для меня они друзья.

20.08.2003

Ирбис (или немного о себе)

Я родился из тени и света,
В белоснежном тумане гор,
Где лавины порой на рассвете
Начинают свой разговор.

Я живу среди снегов и ущелий,
Ледников и стремительных рек,
Где свободными бродят звери,
И не был еще человек.

Здесь по траве кувыркаюсь,
Когда радость в венах бурлит.
Здесь зачастую сражаюсь,
Обагрят кровью гранит.

Ночью люблюсь на звезды,
Сияющие в вышине,
Слушая ночи секреты,
Что она открывает мне.

На высокие пики взбираюсь,
Полной грудью дыша на ветру,
Любуясь оттуда озерами,
Что покроются льдом к утру.

Если горе тебя терзает,
Если вдруг оказался в беде,
Лапу дружбы тебе протяну я
Не думая о себе.

08.10.2003

Враги

Мы с тобой враги до гроба,
Ты человек, я беспощадный зверь.
В своей войне непримиримы оба,
Лишь ненавистью мы живем теперь.

Охотник, ты убил мою подругу
И погубил детенышей, злодей.
Ушел тогда ты от клыков и злобы,
Но носишь на лице следы отточенных когтей.

В отместку я убил отца и брата,
Что больше жизни ты своей любил.
Поистине кровавая расплата,
Охотник, это ты не позабыл?

Сходились мы не раз,
Не раз еще сойдемся,
Не нужно состраданье нам,
Лишь в смерти мы сочтемся.

Сожгли мы души, как мосты,
И ярость в сердце пусть пылает.
Клыки вновь встретятся с ружьем,
Кто победит, никто не знает.

08.10.2003

Ответ на "Мы все одинокие звери"

Мы все одинокие звери?
Нет, это неправда, поверь!
А если тебе одиноко,
Ищи настоящих друзей.

Плох тот, кто разделит лишь радость.
Друзьями таких не зовут!
Друзья это те, кто за друга,
Даже жизнь свою отдадут.

Друг тот, кто придет на помощь,
Поможет тебе в беде,
Кто сильную лапу протянет,
Не думая о себе.

А если ты предан стае,
Душа ее всюду с тобой,
И ты уже больше не будешь
Шагать отдельной тропой.

Не требуй за верность ты платы,
И славы себе не ищи.
Иди впереди собратьев,
И на судьбу не ропщи.

08.10.2003

Хранитель

(моему другу Андрею и всем, кто погиб исполняя свой долг)

Глаза словно лед, в сердце огонь,
И ветер в крыльях гудит.
Алый как кровь, стихийный дракон
Молча на скалах сидит.

Во взгляде его печаль и боль,
Когти впились в гранит.
Он исполняет мрачную роль,
Мертвых покой хранит.

Тех, кто погиб в неравном бою,
Жизни не взяв врага.
Драконов, что силу презрев свою
Испили чашу до дна.

Их чешуя словно звездный свет
А речи были мудры.
Но их испугался Великий Совет
И вот они все мертвы.

Но память о них хранит наш Клан
Что был порожден Огнем.
Не важно – дождь или буран,
Ночью он здесь и днем.

Глаза словно лед, в сердце огонь,
И ветер в крыльях гудит.
Алый как кровь, стихийный дракон
Молча на скалах сидит.

15.09.2000

Милый ребенок,
С красивым лицом,
Доброй улыбкой
И адской душой.

Она не живет,
Не смеется, не плачет,
Не для кого ничего
И не значит.

Ей не понять для чего жить на свете
Она не такая, как прочие дети.
Горстью монет ее жизнь распадется,
Бродяги поднимут, она не вернется.

Просто чужая на этой планете
Друзей иль врагов у нее, тоже нету.
Боль, одиночество, грусть и тоска.
Забота родных ей не нужна.

Привыкшая к ветру, дождю и метели
Осталась одна на холодной постели.
Трава и песок ей и брат и сестра,
Небо ей – крыша, леса ей – стена.
Волчие блики в холодных глазах.
Дрожишь, как огонь в моих нежных руках.

12.04.2004

Почему бы поэту...

Почему бы поэту не писать о любви?
Почему бы ему не писать и о счастье?
Зачем его тянет на кровь и бои?
Зачем его тянет на сырость, ненастье?
Ведь можно добавить и радость, и смеха
И нежность травы, словно в детстве,
И запах земли и округлость ореха,
И зелень на родном холме.
Зачем тогда слезы, печать и тоска?
Зачем ироничность мечты?
Ведь можешь, ведь сможешь, ведь смерть не
близка!
Зачем сердце мучаешь ты?
Секрет не понять и судьбу всех стихов
О горести жизни, печали.
"Ну, улыбнись же, ты можешь, поэт!" -
Дождя капли смехом кричали.

15.04.2004

* * *

И после прошлой встречи нашей,
Я не забуду никогда:
Твое лицо, твою улыбку
И когти, и твои глаза,
Возможно делаю ошибку,
Поклявшись не любить тебя...

From =RL= for =Kiara= ^.^

Сестрена, тебе я дарю эту оду,
Как самой пушистой – кошачьего роду.
А что написать тебе – даже не знаю,
Ведь ода не плюшка, я понимаю =^.^=

Ты самая лучшая кошка на свете,
Пусть все это знают, я буду в ответе!
Прикольна, умна и красива, сестрица
И вряд ли такая же львица родиться.

Серебряный мех и жемчужные зубки,
И перышки в ухе, а на устах – шутки.
Никто не устоит перед очарованием
Замерзшую Киару – согреют дыханьем.

В глазах огоньки пляшут, словно чертята
Сестрену все любят, особо – котята.
И если во тьме заблестят те глаза -
Я знаю, что это сестрица моя.

From =RL= for =Martin Wolf=

Ночью где-то воют волки,
Разбивая жизнь в осколки.
Слезы их – туман ночной
Над долиною лесной.

Серые красавцы леса,
С сердцем и душою беса
Жемчуг зубы, кровь – огонь.
Убеги же ты со мной!

Мы с тобою так похожи
Внутри мы братья, внешне – тоже.
Сердца в груди – две половинки,
Глаза похожи, словно льдинки.

Беспощадный, но ранимый
Жаждой крови ты томимый.
Хищник, но все время жертва,
Брат открой же свое сердце.

Кровь свою перемешаем,
Жизнь с начало мы начнем
Стану волком в дикой стае
Вместе мы тогда умрем.

20.01.2004

Рождение

Два зверя рядом, словно братья,
Родное, теплое объятие.
Смешался цвет, разлились краски.
Блестят во тьме большие глазки.

Единым целым они стали,
Все чувства вновь перемешали.
И сердце будто бы одно,
Не остановиться оно.

Родился зверь, такой прекрасный,
От слияния сердец
В нем ловкость, смелость, сила, ласка.
Наступит для него конец?

В безумной жизни

В безумном ритме жизни,
Ты слышишь звуки водопада,
И рык тех благородных львов,
Но больше и не надо.
Ты словно кошка в стае хищных грифов,
В том городе,
Где никогда не будет тихо.

Ты когти выпускаешь только ночью,
Придя домой и потянувшись сладко,
Ты ляжешь, словно маленький комочек
И до утра проспишь ты кверху лапкой.

С утра опять тебя безумный город,
Захватит неизыблемой волною,
И лишь в своих мечтах ты просто кошка,
Пантера, ты и ветер, вас лишь — двое.

Storm Wind

<http://furpost.furry.ru>

Мы так похожи,
но я никогда не мог найти подходящих слов
словно туман растаяли все мысли
переходя бурный поток,
игнорируя письма
за оскаленной пастью, и остывшим следом
пробираясь в глухом лесу
словно призрак – быть или небыль
не поймаешь лису

26.03.2004

* * *

Полная луна воздвигает стену
сознание стремительно убегает прочь
Даже полет, крылатая смена
стонет в безумии – мне не помочь

Там где сквозь вихри, пылает светило
там куда призраки ветра уйдут
золотом крашенная картина,
и лепестки серебро унесут

Мы в ожидании голоса свыше,
верить в безумие будет для нас
кто-то строку в промежутки впишет
звонким сияньем рубиновых глаз

катится огненная колесница,
камни стучат по обрубкам теней
может пока это все еще снится
время решит то – сплетением дней

04.04.2004

Я прощаю, я был виноват
я не смог распахнуть эти двери
тебе было больно тогда,
и ты должен знать — я верил

просто тоже не было сил
я отдал их тогда другому,
и вопрос по сознанию плыл
кто поможет душе иного?

растревоженные следы
тихо волчья тропа укроет
но ведь выжили я и ты
этот мир под себя мы строим

я не знаю что было там
ты не знаешь что было после
расползлись по своим кустам
слезы тоже глотать не просто

Я прощаю, я был виноват
я не смог распахнуть эти двери
тебе было больно тогда,
и ты должен знать — я верил

впереди есть твоя тропа
впереди еще много боли
впереди — через облака
горизонт вожделенной воли

что откроется там во мгле
перемешанных жизнью красок
помнишь? — каждый живет в себе
рассказав много-много сказок

в них поверив и тем скрепясь
переходит барьер по новой
только в сердце тот же вопрос -
кто поможет душе иного...

23.07.2004

* * *

Замечая прохожих, подъезды
Ты теряешь полночный покой
На окрашенных окнах резвится
Луч весенний судьбы золотой

Переливами солнечных красок,
Отраженьем живого огня
Скроешь тяжесть за сетью масок
И в толпе потеряешь себя

Там в безумии, горе скрывая
Мчится поезд обыденных дней,
А за ними, ритм свой срывая
Бьется сердце лунных ночей

23.04.2004

* * *

Танец звезд и луны,
Сплетение судеб..
Одни, всегда одни -
Мы не люди.

Под бесконечный взгляд,
шаг, еще шаг – напрасно..
Длинный, туманный ряд -
Жизни потертой краска

В ужасе от зеркал,
Бегство в слезах печали,
Пасти моей оскал -
Знаменем у причала

Ты слишком далеко -
нет во вселенной звука,
Ветер стучит в окно
– одиночества скука

11.01.2004

* * *

Здания высятся глыбами льда
Запереть, закрыться
Ледяная вода -
течет по венам
больными струями,
Словно воет
глухими струнами

Я попросил тебя верить в жизнь,
и ты ответил, что веришь
Пустить по строкам узоры ввысь -
страх – не докинешь

Растает зима и приходит солнце -
занимая свое место на небесах
полет птиц не прервется,
пока можно побороть этот страх

И радугой цвета светлого
растет, расцветая в нем,
дух вечности и веры в заветное
пролившись теплым дождем

16.03.2004

Мой долгий путь

Беззвучным шагом, тенью неживой,
идуший по пути пустому,
На осени, холодной и чужой,
остановлюсь пороге.
Я брошу взгляд усталый на огни,
манящие обратно к дому,
Но не успеть им до меня...
Слеза холодная упала на песок,
я не привык к другому.
Снимая маску, жгущую лицо,
любовь слепую убиваю снова.
Я не могу уж быть собой,
и не вернуться мне к родному дому.
Я отказался от него когда-то,
не помню был ли это я.
Отдернув взгляд, я убегу вперед,
оставив мысли страшные тому,
Кто хочет слышать их. И снова,
пытаюсь маску снять, сдирая свою кожу.
Но мир не может стать другим.
И скоро снова я приду к чьему-то дому,
И снова у кого-то отберу любовь.

Свобода?

Капля с неба, цвета огня -
Время летит в никуда.
Шумный народ, что-то шепчет за зря
И бежит, не оставив следа.

На старой гитаре, удавка-струна,
Терзает убитый мотив.
Ведь всем надоела и эта игра
И этот лист уже чист.

Куда же ты смотришь, убийца-толпа?
Не уж то ты веришь словам?
Душа твоя серая смутой полна,
Судить нас уже не вам.

Как раньше, железу замена – слова,
Мечи стали крепче тебя.
Ты вольною птицей считаешь себя,
Но веришь ли в это сама?

Ты скажешь: "Я полечу в небеса!",
И этим же спросишь того,
Кто скажет тебе, лети и пока!
Аккуратно держа за крыло.

Стрелы дождя

Свинцовой дымкой укрыт горизонт,
Ужасной рифмой убит небосвод.
И в сером капкане бетонных трущоб,
Я жду своей смерти, как ждал новый год.

Последние мысли забыты давно,
Последние рифмы убиты назло,
Надеждам и вере, мне не повезло
И в чёрном тумане, я чувствую зло.

Как сталью порезан я словом "забудь",
Как страшно мне слышать что сдались все тут.
Что силы во мраке остались лишь тем,
Кто чёрен душою, кто жалок и нем.

Я слышу, слова добивают друзей,
Таких как и я, сбежавших теней,
Тот яд что сочится из чёрных ветвей,
Ужасного древа коварных речей.

В последний момент посветлел горизонт
И сильного шторма блеснул яркий зонт.
Услышал тот зов мой беззвучный народ,
Стихии небесной последний оплот.

И встали на битву два воина вдруг,
Копьё ярких молний и ветра злой лук,
И стрелы дождя, будто музыки звук,
Разбили вдруг вечной неправды недуг.

И молнии яростно жизнь обхватив,
Вернули её в тот бетонный массив,
В котором, под пение стрел из дождя,
Восстала из праха надежда моя.

Звериная натура

За зверем в звере существо
Звериная натура.
Пусть чем-то стать не суждено
И злые скажут – дура

Но тем не менее она,
Или "оно"? – Не важно!
В походке смела и легка
И выглядит отважно.

Живет, не смея посвятить
Себя себе и в каждый
Рассвет лишь слезы просушить
И в день шагнуть однажды.

За днем таится ночь
И боль... И до рассвета тает
Тот огонек, что днем как луч
В глазах ее сверкает.

Не смята чистая постель,
Забита в уголок сознания
Она. И вновь метель
В циклоне без названья.

....

Гепард

Четыре лапы – прайд и племя
На веки вечные твое.
Гепард не только быстrolапый,
Но также милое зверье.

Бежишь и радуешься воле,
Траве, росе и ветерку.
Беги, сбегающий от боли,
Я жертву чествую твою!

Свобода есть чего попало
И вечно мявкать невпопад,
Чего еще для счастья надо?
Что может захотеть гепард?

17.12.2001

Золото

Золото молчания,
Гнев непонимание.
Это ли придание?
Так ли надо жить?

Стоит ли стараться,
Когти рвать, вгрызаться,
Спать и просыпаться?
Надо ли так жить?

Было ли желание,
Страсть и осознание,
Память, понимание?
Нет желания жить...

Золото молчание,
Золото желание.
Золото – название.
Звук в стране глухих...
28.07.2004

Вой

Полнолуние, вой,
Полуночный герой,
Не мешают тебе
Быть в ночной тишине?

Когти, зубы горят,
Свежей крови хотят.
Вой пугает людей -
Слабых, глупых зверей.
Они корм. В венах – жизнь.
В нервах – страх. Вызов кинь!
Твоя воля прочней,
Страсть и жажда сильнее.
Ты один против всех,
Это – слабость и грех.
Это рок. Это боль.
Ночь твоя – громче вой!

Крики боли и плачь -
Твоя песня, палач,
Гимн тебе от тебя,
Ода воле зверья...

Полнолуние. Зной.
Затишающий вой.
На охоты тропе
Волк в ночной тишине...

29.06.2004

О чем промолчали

Красивой внешностью спрятался Бес -
Допрыгнуть, достать, доскакать до небес!
По головам, по спинам друзей,
Выше, красивей, ярче, быстрее!

Гневию Бога – завтрак, обед -
Краденой болью, ужином – бред.
Одежда запекшейся кровью, в руках
Благие намеренья, спрятанный страх.

За все отвечать, но сила в другом –
Все это будет после, потом.
Сейчас же никто, никогда и нигде
Не заподозрит о спрятанном зле.
Слезе, оброненной в темной ночи,
Никто не узнает... И ты промолчи...

16.08.2004

*Другие стихи Зиры можно прочитать на сайте
<http://www.outlands.ru> или связавшись с Wolf Publishers где был
выпущен сборник «Гимны Презрения» этого автора.*

«..words..»

*Жизнь в большом городе (отрывок) /Terry/
Shay & Ires IV /Jerry/
Как с нами связаться*

Художник и писатель, наиболее известный многим по комиксу "Вселенная против Зорика", и, конечно, по рассказу "Неудача Краддра" – Зверёк Терри, представляет нам своё новое творение – "Жизнь в Большом Городе".

Из разговора с автором сразу становится ясно, как видит он своё новое произведение и какое значение придаёт. Более серьёзное, глубокое, может даже трагичное.

К сожалению столь объёмное повествование не могло уместиться в нашем журнале целиком. Мы надеемся, что по представленному отрывку читатель сформирует собственное мнение и, возможно, захочет прочитать его полностью.

Жизнь в большом городе

Давным-давно, в одной далекой-предалекой гала...
Тьфу. Опять повторяюсь. Ладно... Кхм.

Не слишком давно, на одной не слишком далекой планете, в одном не слишком маленьком городе... кое-что случилось. Уже интересно, правда?

Город жив и город дышит,
Но дыханье вряд ли слышит
Даже самый острый слух.
Фонари, мосты и крыши
Городской вмещают дух...

-1-

Это случилось весной, когда все то, что было скрыто снегом, стало понемногу показываться случайным прохожим. Некоторым было не все равно. В конце марта Ульфер нашел первый труп. В мозгу фэйра пронеслась масса мыслей морально-этической направленности, так как мертвецов ему случалось видеть нечасто. Если быть более точным – никогда. Но мозг – штука хитрая, так что Ульфер всего лишь

пережил небольшой шок, прошедший, к тому же, незамеченным.

– Это труп, – сказал он, задумчиво обозревая печально выглядящие останки. – Надо сообщить куда следует.

И пошел дальше в надежде встретить какого-нибудь служителя закона, или, на худой конец, дворника. Служитель закона попался ему примерно через полмили. Он стоял, разглядывая труп за номером два. Рядом из недолговечного снежного покрывала торчали ноги тела номер три и то, что теперь было на месте лица еще одного усопшего.

– Жуть какая... – сказал Ульфер. Он привык высказывать _все_ свои мысли, так как считал, что высокоморальному существу ни к чему скрывать мыслительные процессы. Ульфер считал себя высокоморальным.

– Да, в этом году их многовато. Вон тот, слева, еще неплохо сохранился, – сказал полицейский, отвлекшись от поверхностного осмотра братской могилы. – А вам самому ничего не попадалось? Фэйр замешкался. Подобной непринужденности он не ожидал.

– Да.. Там, минутах в пяти ходьбы, – Ульфер указал рукой вглубь парка.

– Ясненько.

Офицер посмотрел на свой приборчик GPS, сделал несколько заметок в журнале, взял под козырек и проследовал в указанном направлении. Ульфер постоял пару минут, пытаясь что-то осмыслить. Это у него не вышло, и он отправился к выходу из парка. Мокрый снег расплзался под лапами, открывая им дорогу в истинно весеннюю кашу из прошлогодних листьев и травы. Ульфер не обращал на это особого внимания, так как все равно привык мыть лапы каждый день, а на ботинки денег у него всегда не хватало.

Город жил полной жизнью. Об этом свидетельствовала трехмильная пробка на проспекте, граничащем с парком. У пешеходов, курсировавших здесь чаще всего, уже

выработалось птичье восприятие – машины превратились для них из полутоннотонных потенциальных костедробилок в статичные детали ландшафта. Водители окрестили это место Большой Задницей и всеми силами старались ехать в объезд (тогда они в худшем случае попадали в Болото #1, Болото #5 или Малую Задницу). В этом городе даже у каждой автомобильной пробки был свой стиль.

Осторожно, стараясь не оказаться сбитым каким-нибудь неосмотрительным пешеходом, Ульфер пересек Большую Задницу и вышел на улицу Серебряную.

* * *

Лед на пруду был пробит в трех местах, и в одной из пробоин плавал очередной труп. "Урожайной выдалась весна..." – подумал Зорик, наблюдая за манипуляциями двух мусорщиков, пытающихся вытянуть тело баграми. Каждый тянул в свою сторону.

– Перетягивание утопленника, – констатировал фэйр. Он сидел на мосту через канал, идущий к пруду, и наслаждался атмосферой. По крайней мере, психологической. Было что-то такое во всей этой суете... На уже трескающемся льду пруда лежали кучки мусора, на которых кормились разного рода мелкие обитатели водосточных канав и канализаций. Благодаря этому пруд представлял собой живую скульптуру, иллюстрирующую победу жизни над смертью. В двух словах: все копошилось. Со стороны Серебряной показался совсем молодой фэйр светло-рыжего оттенка, отличающийся от остальных прохожих прежде всего унылым и одновременно растерянным видом. Посмотрев на праздник жизни, он зашел на мост и сел рядом с Зориком. К несчастью, ограждение было скользким, и фэйра спасла от падения в воду (точнее, на плотоядную кучу мусора) только вовремя протянутая рука.

– Осторожнее надо быть, – заметил Зорик, переваливая подростка обратно через ограждение. – У тех, внизу, и так есть, что пожрать.

– Вы... спасли меня? – недоуменно спросил фэйр.

– Верно подмечено. А что?

– Я думал, тут никому нет ни до кого дела. Все эти трупы...

– Ну, это обычная весна. Точнее, не очень обычная – в этом году сюрпризов все же многовато. Может представишься тогда, для порядка? Я Зорик.

– Ульфер.

Они пожали друг другу руки.

– Недавно в городе? – спросил Зорик.

– Я неделю назад приехал...

После этих слов Ульфер был всесторонне осмотрен, и получил соответствующее заключение.

– Лазурная Гавань или что-то в ее окрестностях. Может быть, Хова.

– Да, точно... Хова. А как вы догадались?

– Во-первых, – начал Зорик. – Не обращай ко мне на "Вы". Я вроде бы не старик. Тебе сколько? Четырнадцать?

– Тринадцать.

– Ладно, неважно. Во-вторых... Я профессиональный собиратель информации. Не то, чтобы эта профессия была официальной. Слышал поговорку – "Меньше знаешь – крепче спишь"? Вот. А я сплю _очень некрепко_. Это было произнесено на одном дыхании, так что здесь Зорик сделал паузу, чтобы набрать еще хоть немного воздуха.

– Скажем так, я _много чего знаю_.

– Мм... Понятно.

– Как живешь, чем занимаешься? – поинтересовался Зорик. – А?

– Ну... живу.

– Ясное дело, что живешь. Впрочем, не хочешь говорить – не надо. Прошу прощения за вопрос.

Ульфер вздрогнул и широко раскрыл глаза.

– Что? Аааа... Я тут немного отключился. Квартиру снимаю, на Обходной...

Зорик чуть склонил голову набок, как будто что-то оценивая.

– Работаешь?

– Нет... Я не могу.

– Почему это? – взгляд Зорика странно сменился с любопытного на мрачно-задумчивый.

– Не берут. Уже – не берут...

– Уже?

– Да... Пожалуйста, не надо дальше... – по лицу Ульфера было видно, что продолжать эту тему не стоило.

– Окей, – Зорик перешел в более нейтральную область.
– Как ты относишься к еде?

– В смысле?

– Можно пойти чего-нибудь перекусить... Например, силовой кабель, – предложил Зорик, но ему сразу же не понравилось выражение лица нового друга. – Шутка, шутка... Тут же тьма всяких забегаловок.

– У меня денег нет... – признался Ульфер. – Точнее, есть, но очень мало.

Разве что дотянуть до следующего пособия. Зорик на несколько секунд задумался.

– Сколько? – наконец спросил он.

– Чего – сколько?

– Денег. В смысле, у тебя на руках и дома.

Ульфер заколебался, так как не знал, стоит ли говорить почти незнакомой личности о своих финансах. С другой стороны, грабить было вроде как и нечего, так как финансы ограничивались пятью бумажками крайне небольшого достоинства.

– Дома – двадцать три доллара, – честно признался Ульфер. – С собой ничего.

– Двадцать три?

– Ну, может быть еще несколько центов...

Зорик меланхолически поглядел на мусорщика, освобождающего труп от уже ненужных ему материальных ценностей. Второй мусорщик, прихрамывая, удалялся на поиски другого источника дохода. Брошенный в неравной схватке (и предварительно в ней же сломанный) багор валялся рядом с полыньей. Фэйр вздохнул.

– Пойдем-ка со мной...

– Куда?

– На Пятую Оранжевую. Город знаешь?

– Немного... Это вроде в районе Канцлеров?

– Почти. Ладно, ты идешь или нет? Предупреждаю – если мне что-то приходит в голову, это нужно реализовать немедленно. Иначе будет плохо.

– Кому плохо?

– Всем. У меня есть скверная привычка всем своим знакомым давать знать, как мне хреново.

Они пошли по городу, болтая о том и о сем... Вокруг был самый что ни на есть конец марта, со всеми его радостями и гадостями. А также хлюпающими останками снега (и не только). Армейские ботинки Зорика при каждом его шаге издавали смачные "хлюпы", в то время Ульфер вынужден был обходить самые критические места. Комплекс Оранжевых улиц оказался не так уж и далеко, в паре секторов по тому же радиусу, а улица номер пять граничила со стеной района под названием Канцлеры – там были сплошь фабрики да склады, и лишь несколько жилых домов, населенных по большей части рабочими. Зорик подвел Ульфера к дому номер четыре, и далее в парадную.

– Эхм... Не сюда, – изрек Зорик, когда Ульфер по привычке начал подниматься по лестнице. – Нам вниз.

... *Продолжение можно прочитать связавшись с автором или посетив сайты <http://uvzorik.furry.ru> , <http://uvzorik.narod.ru/>*

Предлагаем вашему вниманию продолжение культовой серии "Шай и Арес" известного мыши Джерри. Предыдущие части можно прочитать на сайте <http://forpost.furry.ru> или связавшись лично с автором.

Shay & Ires IV

Посмотри в мои глаза. В них плещутся холодные волны безразличия. Мои лапы безвольно свисают, и с них серыми полосами стекает усталость. Моя шерсть свалилась и облезла, мой дом пуст и заброшен. Мои корабли стоят на приколе, медленно покачивая спущенными парусами, но у их команды на мостике нет капитана. В моих городах нет воды и света, жители разбегаются из них. Я жду, жду, может быть, ты найдешь меня, но три моря разделяют нас, и я не знаю, спешишь ли ты ко мне...

Мне остается только неподвижно сидеть на месте, уставившись вдаль слезящимися от ветра глазами, ожидая неизвестно чего. Может быть, смерти. Может быть, жизни...

Холодный нос мягко ткнулся мне в шею. Его обладатель мог быть только один, и в данный момент это было столь же неожиданно, как и волнующе. Насколько я слышал о нем в последнее время — он был не так близко отсюда, и ... увы, чтобы появиться здесь, все же требовалась причина... Несколько секунд, я наблюдал внутреннюю борьбу между нетерпением и страхом неоправданных надежд, и затем медленно обернулся. Да. На меня смотрела та же пара до глубины знакомых, умных и ласковых глаз.

— Черррряка! — воскликнул я от внезапной радости встречи, хватая его в охапку, — Вот уж кого не ожидал здесь увидеть — так это тебя! Где ты научился умению сваливаться как снег на голову?

Он расслабился, позволяя его память, словно плюшку, и приветственно замурлыкал. – ты знаешь .. – ответил он немного наиграно, – как говорят у нас на родине – шел мимо. Решил зайти на огонек..., – и мягко обнял меня своими лапами.

Через секунду я отстранился, взяв его за плечи.

– Ну дай же я на тебя посмотрю. Больше года не виделись, а?

Он чуть отошел, позволяя себя рассмотреть, а вслух смущенно ответил – а чего на меня смотреть... я это я, куда ж я денусь то..

Все-таки года не могут не менять кого бы то ни было. За этот год он, казалось, распустился, будто цветок – шерсть стала еще гуще и темнее, движения приобрели некоторую грациозность, присущую разве что кошкам, хоть он ею и не был, взгляд – пронизательность, а разум – спокойствие. Но все же – это был он, такой знакомый и такой близкий. Налетающий ветер развеивал его короткий плащ, и это придавало ему какую-то серьезность, наряду с почти нетронутым временем, по-детски наивным выражением мордашки.

Он сел передо мной, скрестив ноги.

– А ты вырос.. – задумчиво произнес я, боясь озвучить продолжение.

Он улыбнулся.

– Брось. Это все еще все тот же я, только может быть, пошире и потяжелее. А вообще, если честно, – продолжил он, чуть улыбаясь, – слухами земля полнится. Вот и до меня дошли некоторые, – улыбка сошла на нет, и через секунду он закончил, – решил навестить вот. Поглядеть, как ты тут.

– А.. – я махнул рукой за спину, – ты об этом.. Так, ковыряемся потихоньку... Слушай, – меня посетила внезапно вырванная из контекста мысль, – а я ведь знаю, кто ты такой. Я расплылся в довольной улыбке. В его взгляде загорелась искорка интриги.

– Да? И кто же?

– Ты демон. Маленький хитрый демон. Я читал недавно. Только когда-то давно люди потеряли своих демонов, а ты почему-то остался. Поэтому тебе нужен кто-то, с кем бы ты чувствовал сильную душевную связь. Только ты не знаешь, чей ты и потому ходишь со мной.. – я осекся, – ..ходил..

– Все возможно. – он хитро прищурился. – только ты немножко не прав, в одном. Демоны в одиночестве столько не живут. Но ты не отчаивайся – он протянул свою лапку и положил мне на колено. Насчет связи ты прав. А настоящую свою историю, я говорил, я сам не знаю, правда...

Я опустил взгляд и несколько секунд молча перебирал шерсть на его ладошке.

– Спасибо, что приехал, – произнес я после паузы. – А то я тут весь в тоске, не знаю, куда податься, и за что схватиться... Слушай, а как у тебя-то дела?

Он неопределенно махнул лапкой.

– Давай сначала о твоих. У меня все более-менее, потом расскажу, если хочешь.. А ты тут и правда все забросил?

Я снова погрузился в свой серый мир, откуда был вырван появлением этого маленького сорванца.

– Я потерялся... – слова выходили медленно, как вода сквозь лежавший под ногами песок.

Я машинально подобрал какую-то щепку, и начал ей в нем ковыряться.

– Знаешь, недавно был такой момент, может он тебе покажется глупым.. У меня нет запаха. Не своего личного, а – запаха своего дома. Он не пахнет, понимаешь? Когда ты заходишь к другим – ты его чувствуешь, этот запах становится неотъемлемой частью каждого из его обитателей, и когда ты мимоходом встречаешь кого-то из них, ты чувствуешь запах дома. У меня его нет.

Я вздохнул и продолжил, – у меня вообще ничего нет, если подумать.. Нет ничего своего. А все то, что развивается под моим взором – все кажется каким-то жалким подобием.. таким никчемным, таким ненужным. Любые усилия уходят впустую, кажется, что я похож на букашку, завязшую в паутине, и сколько бы я не дергался, результат все равно определяет тот паук, куда ты попал. Хочется все бросить, и просто сидеть.. Сидеть и смотреть на море. Ты ведь знаешь, что на небе – только и разговоров, что о море...

– Скажи «хрю» – внезапно перебил он меня.

Я поднял на него недоуменный взгляд.

– Что?

– Скажи «хрю» – просто повторил он.

Я секунду помедлил, и произнес растерянно, – Хрю.

– Ты свинья, Айри. – невозмутимо ответил он, глядя на меня своим все таким же добрым взглядом.

– Э .. прости, что?

– Ты наглая зажавшаяся свинья. Ты не видишь ничего, что ты имеешь. А ведь на самом деле, ты имеешь больше, чем любой вокруг тебя. Ты ходишь по лесу, собираешь желуди, и вдруг натыкаешься на кормушку, в которой полным-полно корма, и который не кончается изо дня в день. Ты перестаешь искать желуди, ты ходишь только к ней, отъедаешь себе жирок под кожей и довольную счастливую морду, а потом, когда в один прекрасный день корма не оказывается – ты заваливаешься на пузо и начинаешь недовольно и раздраженно хрюкать. Вот так. Некоторое время я смотрел на него округлившимися глазами, переваривая сказанное, и сдерживая рвущуюся обиду.

– Никогда не думал, что услышу от тебя такое. – Я поднялся, пристально глядя на него. – Но.. может ты и прав. В таком случае, свинья уходит в лес искать желуди. Я в сердцах отвернулся и зашагал прочь.

– Айри.

Звук его шагов по песку за спиной заставил меня остановиться. Он подошел, и ласково обнял меня за талию.

– Не принимай мои слова слишком прямо. И к тому же, я хочу показать тебе еще одну вещь. Он прошел чуть вперед, встал передо мной, расстегнул плащ, и стал снимать с шеи цепочку.

– Что это?

– Протяни ладонь.

Я вытянул руку вперед. Он снял цепочку, и вложил мне в ладонь. Это был маленький золотой гепард в кольце на серебряной цепочке. Поверхность тускло отсвечивала бликами от затянутого облаками неба. Амулет. Я когда-то знал его хозяина, слишком хорошо знал...

– Откуда он у тебя?

– Однажды он тоже так ушел в лес. Насовсем.

Я поднял на него вопросительный взгляд и через секунду сел там, где стоял. Цепочка плавно переливалась изгибами у меня на ладони, перетекая с пальца на палец. Внутри у меня что-то оборвалось, и упало в черную тьму.

– Говорят, он умирал несколько дней. Люди падки на такие подробности, ты знаешь. Он выжил в поединке с тигром, а потом несколько дней полз к жилью, истекая кровью. Его нашли только через несколько месяцев. Я посмотрел на него снизу вверх, а потом снова уставился на амулет.

– Когда-то мы были там.. – произнес я тихо, и воспоминания ударили мне в голову. Несколько минут я сидел молча.

– Зачем ты носишь его с собой?

Он снова сел напротив, все так же пристально глядя на меня своими по-щенячьи умными и добрыми глазами.

– Напоминание о тех, кого мы не услышали. Кого не увидели, не поняли. Мимо кого прошли, едва бросив взгляд. У него до ужаса все просто. Может быть, так оно и должно быть. Скорее всего, должно. Я попытался прочесть в его

словах наличие или отсутствие намека, и осторожно произнес, – мы не можем слышать тех, кто не говорит с нами.

Он кивнул.

– Не можем. Значит, его не услышали другие. Это не меняет результата. Его теперь нет независимо от того, кто именно его не услышал. Я опустил голову и снова погрузился в свои мысли. Повисла гнетущая тишина. Через минуту он закончил.

– Но все же, – он ушел по своей воле. Иногда мы делаем не тот выбор, который хотели. А теперь, видишь – у тебя остались только воспоминания и горечь на языке. А у кого еще?

Ты все еще хочешь идти?

Я посмотрел на него долгим взглядом, и с некоторой долей грусти отметил.

– А все-таки, ты вырос....

Он слегка улыбнулся, ничего не сказав.

Мы вместе поднялись, и медленно зашагали прочь.

Jerry. 09.04.03

Связаться с авторами, представленными в нашем журнале можно по приведенным ниже адресам:

Редакция журнала **АРФИ** – rfccsu@newmail.ru
Редакция журнала также сотрудничает с **Wolf Publishers**,
обращайтесь по адресу ashes@ose.ru

Марсспай – marsspy@yandex.ru
Скайлер – skyer1@yandex.ru
Торни – EVILKAKTyC@yandex.ru
Black cat – toxa-kirpich@yandex.ru
Алекс Лайон – alexlion@list.ru
Айджи – spottedone@yandex.ru
Лаурра – Laurra@yandex.ru
Винди – windicator@mail333.com
Терри – zverek_terry@mail.ru
Андрей Линкс – siblynx@fromru.com
Айрил – pantera-@mail.ru
Риддл – nastm@newmail.ru
Машрумер – Mushroomer@nm.ru
Фокко – focco@newmail.ru
Хантер – warren@km.ru
Джерри – jerry@izmiran.rssi.ru
Дримвуд – dreamwood86@yahoo.com
Снаури – snaury@narod.ru
Storm Canine AKA Shaggy – stormcanine@yandex.ru
Зира – coba@mail.ru
Red Dragon AKA Irbis – reddragon@mail.ru

Сайты входящие в содружество:

АРФИ Group,

www: <http://arfi.furry.ru>

mailto: rfccsu@newmail.ru (Subj: Арфи2004)

Furpost

www: <http://forpost.furry.ru>

mailto: shaggy canine@yahoo.com (Subj: Арфи2004)

FURRY.ru.

www: <http://www.furry.ru>

mailto: webmaster@furry.ru (Subj: Арфи2004)

RF "Concept" Group,

www: <http://concept.furry.ru>

Создатели журнала выражают признательность авторам и
всей пушистой общественности за участие и посильную
помощь.

Мы надеемся, что чтение нашего журнала доставит вам
удовольствие. До скорых встреч и спасибо за внимание!

Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех жанров
и направлений! Пишите нам.

Starfall

Сказка Про Мех /Mushroomer/	3
Звёзды на земле /Alex_the_Lion/	5
"Лисенок, который боялся спать..." Storm Wind	9
Разговор /Snaury/	9
"Накрывшись сумрачным нарядом..." Storm Wind	15
Проклятый /Skyler/	16
"Отдернув взгляд, я убегу вперед..." Thorny Fox	22
Стой, Hampa! Стой! /Siberian Lynx/	23
"Поднимите меня над лесами..." Alex the Lion	28

The Meaning of All Hope

Один день /Fosso/	30
Выбор /Irbis/	32
Принцесса и дракон /Айрил/	36
"Мы ходим всё той и одной же тропой..." Hunter	43
Корни милосердия /Hunter/	44

Poetry

AlexLion

59 Ушла Тигра	
60 Когда. Часть вторая	Black Cat
61 Напоследок	"Скрипки плач и завыванье..." 66
62 Сердце оборотня	"Холодные капли..." 67
	"Ты увидишь что тень твоя..." 67
	"Усни крепким сном, мой маленький зверь..." 68

Dreamwood

69 Бывает	Hunter
	"Чьё веленье, чей разум и власть..." 71
	"Да, я пьяна - тоскою о тебе..." 72

Laurra and Aidji

73 "Зачем нам бой..."	
74 "Зачем вздыхать о звёздах и Луне..."	Marsspy
	"Саванна светилась счастьем..." 75
	Встречная полоса 75
	"Мы сидим не дыша светом звёзд-светляков..." 76
	"Я вижу не людей - лишь силуэты света..." 77
	"Крылья из пластика, сердце из стали..." 77

Red Dragon AKA Irbis

- 78 Гимн фурри
78 Точка зрения
79 Ирбис (или немного о себе)
80 Враги
81 Ответ на "Мы все одинокие звери"
82 Хранитель

Riddle Lionness

- "Милый ребенок, с красивым лицом..." 83
Почему бы поэту... 84
"И после прошлой встречи нашей..." 84
From =RL= for =Kiara= 85
From =RL= for =Martin Wolf= 86
Рождение 87
В безумной жизни 87

StormWind

- 88 "Мы так похожи..."
88 "Полная луна..."
89 "Я прощаю..."
90 "Замечая прохожих, подъезды..."
90 "Танец звезд и луны..."
91 "Здания высятся глыбами льда..."

Thorny Fox

- Мой долгий путь 92
Свобода? 93
Стрелы дождя 94

Zira

- 95 Звериная натура
96 Гепард
96 Золото
97 Вой
98 О чем промолчали

Words

- Жизнь в большом городе (отрывок) /Terry/ 100
Shay & Ires IV /Jerry/ 106
Как с нами связаться 112

(c)2004 Russian Furry Publishers